

A woman in profile, wearing a dark, textured garment, holds a lit match in her right hand. The background is a soft-focus image of a city skyline with buildings and a bridge. The overall color palette is muted, with greys, blues, and warm tones from the match and city lights.

Влад Лукрин

МАШИНА,
СГОРЕВШАЯ
ОТ ЛЮБВИ

16+

Влад Лукрин

Машина, сгоревшая от любви

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Лукрин В.

Машина, сгоревшая от любви / В. Лукрин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Любовный треугольник в новом романе известного российского писателя Влада Лукрина весьма неожиданный. В борьбе за импозантного молодого ученого Марта Григорьевича сходятся две женщины — земная и... робот с внешностью кинозвезды. Живое женское кокетство или безупречная компьютерная программа выйдет победителем из этого поединка? Оформление обложки: коллаж, автор Д.А. Зотов. Использована обложка печатной версии книги.

Содержание

МАШИНА, СГОРЕВШАЯ ОТ ЛЮБВИ	6
Часть 1	7
1.	7
2.	10
3.	15
4.	24
5.	25
6.	26
7-начало.	28
7-окончание.	30
8-окончание.	32
9.	34
10.	35
11-начало.	40
11-окончание.	44
Часть 2	47
12.	47
13.	55
14.	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Влад Лукрин

МАШИНА, СГОРЕВШАЯ ОТ ЛЮБВИ

Спасибо О.В. за мое разбитое сердце. Без этого работа над книгой могла надолго затянуться.

Любые совпадения с будущим абсолютно случайны и являются плодом проницательности автора. Автор не несет ответственности за будущее человечества.

Мнения персонажей могут не совпадать с мнением автора. Более того, они могут раздражать автора. Но... такие уж получились персонажи.

Часть 1

Живое должно питаться живым

Мужчины рождены для любви. Любви к своему делу. Любви к оружию. Любви к женщине, в конце концов.

Но с женщинами у мужчин всегда возникали проблемы.

При создании Адама и Евы не были синхронизированы какие-то важные настройки. И это реальная проблема. Именно из-за нее сердца так часто работают вхолостую.

Невольно мужчины сосредоточились на любви к тому, что не имеет души. В прежние годы автомобили были послушны рулю. Тогда Адамы отдавали нерастраченную нежность машинам. Горячие движки и упругие подвески, найдя любящего водителя, неизменно получали частичку его души.

Все были довольны, кроме жен.

Затем пришли времена, когда водителя заменил автопилот. И мужчина почувствовал себя лишним в дуэте с автомобилем. Любовь сошла на нет.

Прогресс долго не приносил счастья, потому что невозможно любить компьютеры, тостеры или кофемолки. Оттого души мужчин так часто оставались одинокими и сухими. Лишь когда в наши дома вошли прекрасные роботы и стали похожи на женщин даже в постели, сердца мужчин смогли раскрыться по-настоящему.

Мир и любовь вошли в наши дома...

Точнее, так: чуть было не вошли. Ведь в мире остались еще и женщины. Отдавать мужчин без боя бесчувственным куклам – не в их привычках.

1.

Она была восхитительна.

Нет-нет: она была сногшибательна.

Сном наяву – вот чем она была для него. Самым сладким сном за последние три недели.

Любимая актриса стояла в подвенечном платье посреди его гостиной. Как живая. Март, затаив дыхание, обошел вокруг. Она была лучше, чем живая: она была настоящая! Тонкая фата струилась за спиной до талии. Казалось, сорви ее особым движением, как в том фильме, и она превратится в смертоносную безразмерную паутину. На кого накинешь – не вырвется.

Он с улыбкой поймал себя на мысли, что опасается прикоснуться к фате. Хотя она-то как раз не настоящая. Глупо видеть в ней оружие. Фата только муляж. Как и букет с темно-красными тюльпанами: фирменный знак Невесты-убийцы из нашумевшего блокбастера. Тоже имитация.

Но Марту приятно было щекотать себе нервы, представляя, что цветочные бутончики таят запалы смерти. В одном взрывной заряд может снести гору. Другой бутончик способен выжечь все в радиусе ста метров. Третий становится ядовитым облаком. И так далее. Вот какие возможности в руках красавицы с волосами цвета светлой меди. Захочет – убьет. Захочет – полюбит.

Владеть такой опасной женщиной одно удовольствие.

Еще недавно это было недостижимо. Известная актриса Лалла Рук, чей искусственный двойник стоял сейчас перед Мартом Леонидовым, долгое время наотрез отказывалась сотрудничать с разработчиками роботов-андроидов. Никто не мог скопировать ее облик без риска получить большие проблемы в суде.

Производители ворчали, мол, знаменитость набивала цену, и, скорее всего, были правы.

Все изменилось недавно, когда по мировым экранам с шумом пронесся блокбастер «Грохни меня в Сибири», где Лалла Рук блистательно сыграла Невесту-убийцу. Фильм вмиг стал культовым, а Лалла Рук из простой знаменитости превратилась в суперзвезду. Ее гонорары взлетели, число мужчин, воделеющих актрису, выросло в разы.

Вскоре после этого появилась долгожданная новость, что с актрисой заключила контракт крупная корпорация, разрабатывающая роботов-андроидов. Конечно, теперь модели, сделанные по образу и подобию Лаллы Рук, стоили намного дороже, чем могли еще пару месяцев назад. Однако Марта Леонидова цена не волновала. Он наконец-то дождался.

В его жизни воистину началась золотая полоса. Три недели назад руководство намекнуло, что поддержит его заявку об участии в испытаниях на получение звания наставника. Это было настоящее чудо!

Редко кому удавалось стать наставником раньше 30 лет, а Марту только 25. Пусть процедуры займут еще год-полтора – экзамены, проверки, защита идей, – это все равно невероятно.

Звание наставника совершенно другой уровень. Богатые люди готовы платить любые деньги, чтобы их детей воспитывал живой человек. А личным воспитателем может быть только наставник. Можно вообще открыть свою школу, продвигать свои идеи и методы.

Именно об этом мечтал Март. По дороге домой после того разговора с руководством он представлял в грезах «Леонидов-лицей» или «Школу гениев Марта Леонидова». Каким прекрасным местом оно станет! Март видел как наяву свой директорский кабинет и себя, седого и величественного, в кожаном кресле. А за спиной обязательно будет стоять книжный шкаф со старыми бумажными книгами.

Бумажные книги – это очень аристократично. Особенно в потертых толстых обложках.

Вокруг него в его мечтательном видении стояли бывшие ученики: великие изобретатели, властители мира, прославленные поэты. Они аплодировали своему учителю.

Но удача никогда не приходит одна. Не успел он остыть от одной приятной новости, как в продажу поступили домашние роботы в облике Лаллы Рук. Только представить: Лалла Рук!! В его доме!!!

Жизнь и вправду прекрасная штука.

При заказе можно было выбрать любой образ Лаллы Рук для первоначальной доставки: из фильмов, светской хроники, что-нибудь на свой вкус.

Март захотел именно Невесту-убийцу.

РАД ИФУ 5.2 п. «Лалла Рук» – значилось в электронной документации на товар. Какой волнующей и поэтичной показалась ему эта аббревиатура при оформлении покупки! Расшифровывалась она как «Робот-андроид домашний, с интимной функцией, усовершенствованный, модель 5.2, прототип Лалла Рук».

А теперь автоматическая служба доставки привезла покупку в дом.

Регламент требовал от покупателя изучения товарного вида. Март никогда не любил досконально проверять технические приборы. Считал это бесполезной процедурой: всегда надо верить, что все в порядке. Ну а если тостер откажет, можно выбросить и купить новый.

Но она – она не была тостером. Новая, нежная, потрясающая модель домохозяйки. Подруга и помощница на ближайшие несколько лет. Он чувствовал себя как мальчишка на первом настоящем свидании, когда точно знаешь, что все состоится. Это слишком ответственный момент, чтобы спешить.

Март несколько раз обошел ее кругом. Прикоснулся к гладкой коже на предплечье («Нежность кожи, соответствующая человеческому возрасту 18 лет, усилит ваши чувственные ощущения», – обещала реклама. Похоже, все так). Провел пальцем по ее пухлым губам («Благодаря новым техническим решениям поцелуй изделия становится теплым и влажным», – сказано в проспекте). Вроде все на месте. Ему захотелось тут же затащить ее в постель и мак-

симально протестировать. Однако – нет, не надо сразу. Томительное ожидание само по себе удовольствие.

Тюльпаны, фата, волосы. Белые перчатки выше локтей. Глаза с сидящими в глубине огоньками. Даже выключенная она вызывает желание. Что же будет, когда включить и наполнить эти глаза жизнью?!

Он глубоко вздохнул, представив, как погладит за ее левым ухом, где находятся сенсоры включения. Но нет, еще рано. Налить рюмочку ликера и никуда не торопиться – вот что сейчас нужно. Она здесь, и она навсегда. А он не вандал, чтобы набрасываться на домашнего робота в первые минуты после доставки.

Март сходил на кухню и наполнил рюмку ликером. Хороший день. Очень хороший. А главное – продолжение следует. Март поднес к носу рюмку и вдохнул аромат напитка: древесные ноты ежевики, виноградной лозы и немного мха. Чудесно. Как там у классика? «Остановись, мгновенье, ты прекрасно». Сказано в самую точку.

Надо пойти, выпить за знакомство.

Держа в руках тонкую ножку рюмки, Март вернулся к роботу. Прекрасная машина молча ждала.

– Ну, здравствуй, Лалла. Как добралась? – Он заглянул в ее глаза. В глубине стеклянных очей блестели кристаллики вечного света. Именно из-за них даже в выключенном состоянии Лалла не казалась мертвой куклой.

– Все хорошо? Отлично! – Март приветственно поднял рюмку, словно собираясь чокнуться. – Надеюсь, тебе у меня понравится. Давай: за встречу!

Вдруг рюмка замерла возле его губ. Что за ерунда? Март заметил тонкую голубую полоску на шее робота. Откуда она взялась? Может, ниточка прилипла? Он присмотрелся. Нет, не ниточка. Короткая полоска, сантиметр-полтора в длину, шла под кожей. Будто человеческая прожилка. Но в данном случае это был заводской брак.

Полоска резала глаза, и с этим ничего уже не поделать. Март потер полоску пальцем, слабо надеясь, что, может быть, она сотрется. Не стерлась. Типичный дефект внешнего вида. Товар надо менять. Любая царапина на домашнем роботе – это царапина и в сердце мужчины. Когда царапины приобретены в ходе эксплуатации, ты знаешь, за что страдаешь: не уберег. Если же изначально принимать в дом порченую машину, значит, гарантировано обрекать себя на боль.

Март залпом выпил ликер и резко опустил рюмку на подъехавший столик-автомат, чьи сенсоры успели среагировать на движение. Жаль, что день безнадежно испорчен. Робота сейчас поменяют, это не проблема. Но кто вернет настроение?

– Что ж ты так меня подвела, Лалла? – разочарованно сказал он. – Я ведь тебя так ждал, ты бы знала. У нас все могло быть хорошо. Что ты молчишь, а?

Она стояла неподвижно, не мигая смотрела вдаль.

– Ах да, я забыл, ты же кукла. – Март махнул рукой. – Тебя еще не включили. Это был мой день, понимаешь? Мой! А ты все испортила. Э-эх.

Вызвать службу доставки было секундным делом. Однако неожиданно он подумал: а что будет с ней? Куда денется экземпляр, стоявший в его гостиной? Скорее всего, пойдет на утилизацию. Бросят, например, в печь переплавки.

От одной этой мысли Марта передернуло. Уничтожить робота-андроида – все равно что разорвать плюшевого мишку. Невероятная жестокость. Нет-нет, до этого вряд ли дойдет. Возможно, просто перешьют кожу. Будет наша Лалла как новенькая!

Хотя, конечно, кожу заменят только в том случае, если это выйдет дешевле переплавки. Но что в наше время дешевле переплавки? Только сама переплавка. Или «танцующий огонек», уничтожающий материю.

Не надо лукавить: вернуть Лаллу службе доставки – значит убить ее.

«У-бить? Да ты в своем ли уме, Март?! Она и так неживая».

«Нет-нет: разговаривать с собой, вот что значит быть не в своем уме, Март. А когда жалеешь Лаллу, ты как раз в своем уме! Потом что быть человечным и есть быть в своем уме».

Тяжелая ситуация: она уже не была для него чужой. Ее привезли несколько часов назад, когда его не было дома. За это время она пропиталась пылью его жилища, а значит, стала частью его личной зоны. Куда деть радостные мгновения, когда он ходил вокруг нее? Забыть?!

Однако оставить ее – значит жить с бракованной. Каждый раз, натываясь взглядом на ее шрам – и не говори себе, что это всего лишь прожилка! – будешь помнить, что твоя женщина бракованная. Она приготовит ужин, а ты будешь видеть, что она бракованная. И когда она закричит в постели, ты ни на миг не забудешь, что она с браком.

Прожилка убила ее идеальность. И это уже навсегда.

Март не заметил, как в его руках появилась бутылка с ликером. Он хлебнул из горла рубинового напитка с пряно-горьким вкусом. Как только Лаллу увезут, он ее забудет. Приедет новая, не хуже. А если оставить, шрам-полоска будет преследовать постоянно.

Бутылка исчезла. Видно, уехала с автоматическим столиком. Умный дом чувствует своего хозяина. Март вновь подошел к Лалле и потер полоску. Может, у них вся партия с дефектом? Привезут новую – надо быть внимательным.

Другая рука Марта неловким движением задела тюльпаны. Он почувствовал, что это живые цветы. Удивительно! В наше искусственное время кто-то додумался вложить в руки робота настоящие цветы. Или он ошибся? Март осторожно вынул цветы, поднес к своему лицу: никаких сомнений, типичная органика. Его никогда не трогали цветы. Просто любопытный факт: живые тюльпаны изображали искусственный букет Невесты-убийцы. Необычно.

Хватит сомнений! Тюльпаны полетели на шуршащий под ногами столик. Март решительно подошел к домашнему терминалу и приложил большой палец к экрану, удостоверяя свою личность.

– Я Март Леонидов. Подтверждаю: доставка принята, – твердо произнес он.

Какая Лалла Рук приехала, такая и будет жить. Точка.

2.

Социальный квартал всегда был местом уныния и грязи, где легко умирали мечты.

Но в этот вечер что-то случилось в природе, отчего квартал преобразился. Ника только не могла понять, что именно произошло. Почему тоска, которая постоянно веяла из раскрытых окон, сейчас сгорала в розовом свете заката.

Наверное, все дело в самом закате.

Или теплом ветре, ласкавшем лицо Ники.

Или загорелой коже Артема, идущего рядом? Хотя нет, он тут ни при чем. Совсем-совсем. Просто день сам по себе очень хорош.

Интересно, видит ли Артем, что квартал сегодня не похож на квартал?

Даже небо стало шире.

Футболка Артема без рукавов, поэтому видны его спортивные плечи. Когда Ника смотрит на них, ее сердце становится горячим и мягким, как воск. На его левом плече размахивает крыльями «живая» татуировка: орел с хищным взглядом.

Для большинства жителей социального квартала движущиеся татуировки слишком дороги. Но Артем мог себе позволить «живую» картинку, что добавляло ему привлекательности. Ведь Ника знала, что деньги не от бандитского промысла и не родительские: Артем заработал их в спорте.

Вот бы узнать, как тату-мастеру удалось нарисовать так птицу, что она, кажется, готова вот-вот сорваться с плеча?

Нике вдруг захотелось тоже нарисовать что-то такое, что вонзалось бы в душу. Например, этот день. Нанести бы на холст и жар заката, и дыхание ветра, и дальнюю музыку из какого-то пустого окна. И тогда можно было бы наслаждаться этим мигом до конца дней.

Ведь это один из тех самых вечеров, когда жизнь меняется бесповоротно. Сохранить бы его навечно.

Только как добиться, чтобы картинка обжигала? Какую краску надо выбрать в цветовом редакторе для всего этого?

– Тема, а ты рисовать любишь? – спросила вдруг она.

– Смешная, – снисходительно ответил он. – Кому сейчас это нужно?

– С чего ты взял?

– Все можно сфотографировать. Да и фотографировать незачем: все равно пересматривать не успеваешь.

С любым другим она бы начала отчаянно спорить. Но с Артемом Ника могла только соглашаться. Он был уверенным и сильным. Рядом с таким можно быть только хрупкой. Поэтому слова в горле стали сухими и колючими.

Она чувствовала себя полностью в его власти, и ей это нравилось.

К тому же ни одна картина не стоит улыбки потрясающего парня, когда он – твой.

Ни капли не стоит.

Ну разве что самую чуточку.

Артему же, закрыв тему с рисунками, вернулся к разговору про футбол. Ему нравится позиция правого вингера, увлеченно говорил старшекласник, мечта школьных девочек. Именно там играешь в настоящий футбол: скорость, дриблинг, пас.

Однако сегодня вингеры выпадают из многих тактических схем, а это неправильно! Он сыпал терминами без объяснений, словно любая девушка должна была знать их.

Но разве так важно, кто такие вингеры?

Пусть я не понимаю и половины, о чем он говорит, думала Ника, главное, что ему это нравится. Он обязательно станет звездным футболистом. У ее папы этого не получилось. А у него – получится!

Они шли сквозь розово-золотистое сияние заката. Таунхаусы-близнецы по обеим сторонам длинной улицы отбрасывали алые тени – самые разные по форме. По окнам пробегали оранжевые отблески. Ника смотрела и пыталась запомнить каждый оттенок, чтобы найти потом в цветовом редакторе.

Суперклубы высшей лиги никогда не отказывались от вингеров и потому рвут всех, говорил Артем. Поэтому с его позиции прямая дорога в суперклуб. Так что он будет отстаивать свое амплуа, как бы кому ни хотелось поставить его на другое место. Здесь прогибаться нельзя.

Как хорошо будет, думала она, когда он пробьется в высшую лигу и сможет вместе с ней уехать из социального квартала на большую землю. Ему шестнадцать, он на два года старше Ники. Совсем взрослый. Отпустят ли ее родители на большую землю? Конечно! Никуда не денутся. Через год-два вообще можно будет их уже не спрашивать.

Как приятно, что из всех девчонок в школе он пригласил именно ее!

Главное сейчас не угодить ногой в какую-нибудь колдобину: дороги в социальном квартале всегда были ужасными. Получится ужасно неловко, если полетишь носом вниз или хотя бы просто неуклюже покачнешься.

На большой земле она запишется на художественные курсы. Это здесь никому не интересно, что и как ты рисуешь. А там, как она слышала, художников ценят. Там понимают, что не в наших силах продлить волшебство момента. Но можно запечатлеть миг в рисунке. Тогда его огонь будет согревать людей и через много лет.

– А потом, закончив карьеру в клубе, я стану тренером в какой-нибудь школе интелов, – говорил Артем, – и буду гонять их как сидоровых коз. Потому что все интели – чмыхи.

Интеллектами или ботанами школьники социального квартала называли жителей большой земли. Впрочем, ботанами, в отличие от интеллектов, могли быть и свои отличники.

Забавно, подумала Ника, что по сложению Артем сам похож на интеллекта: высокий, стройный, широкоплечий. Именно такими, как она заметила, были коренные жители большой земли.

В социальном же квартале люди почему-то имели самые разные фигуры. Многие с детства раздавались вширь. Форму держали только спортсмены и парни из уличных банд. Однако и их фигуры, как правило, отличались от уроженцев большой земли. Так что по виду интеллекта можно было с высокой долей вероятности определить, родился он на большой земле или вышел из социального квартала. Ведь некоторым удавалось выбраться отсюда.

Когда Артем будет жить там, его вполне могут принимать за коренного.

– Чему ты улыбаешься? – поинтересовался Артем.

– Подумала: а вдруг ты сам станешь интеллектом среди них? Вот будет забавно.

– Я-а? Никогда! Парни из социального квартала всегда остаются парнями из социального квартала. – В его голосе сверкнула гордость. – Скорее, ты станешь такой. Ты же у нас ботаничка, – мягко добавил он, – но ты все равно мне нравишься, ты нормальная.

Ника сочла, что разумней в ответ промолчать, и только искоса посмотрела на орла. Тот продолжал широко размахивать крыльями.

Они свернули в проход между двумя одноэтажными зданиями. За домами, стоявшими вдоль главной улицы, начинался пустырь размером с пару футбольных полей. Дорога пересекала его наискосок и огибала круглое озеро с вечно торчащими на его берегах рыбаками. Там, с другой стороны озера, начинался район, где жила Ника.

Вот они дойдут, и пора прощаться.

Строгие родители еще имели власть над Никой. Поэтому она не могла задержаться. А так хотелось! Еще неизвестно, что станет делать Артем, проводив ее. Может, побежит к кому-нибудь из старшекласниц?

Ника ненавидела их за то, что все поголовно сохли по Артему. По ее Артему!! Только бы он не счел ее малолеткой из-за того, что ей рано возвращаться. Другие подружки свободно гуляют допоздна. А ей нельзя. Как же это обидно!

Когда они дошли до озера, розовое свечение стало рассеиваться. Из черной воды озера, казалось, начинали выползать сумерки. Волшебство по мере приближения к дому таяло.

Ника почему-то вспомнила, что очень давно, пару лет назад, на пустыре еще существовал пейзажный цветник. Он был там, сколько она себя помнила. Каждый год, как только сходил снег, территория, огороженная низким (чуть выше колен) забором, расцветала. На узких дорожках между клумбами, насыпанными пригорками и кустарниками появлялась бабушка, которую все называли Фиалкой. С ранней весны до первых снегов она становилась частью пейзажа – то с лейкой, то с тяпками, то с садовыми ножницами в руках.

Именно Фиалка поддерживала жизнь в цветнике, занимавшем широкую полосу от домов до озера и несколько раз преобразовавшемся в период с ранней весны до поздней осени. Одни краски отцветали, другие цветы распускались.

Порой пригорки покрывались желтыми и мохнатыми, как шмели, бутончиками. Иногда на кустах появлялись цветы, похожие на спящих попугаев. А однажды Ника видела цветы, похожие на разбитые сердечки. Ни до, ни после она их не встречала, но тот раз запомнила навсегда. Несколько кустов, увешанных алыми сердцами с розовой капелькой посередине, выросли на окраине цветника и вскоре неожиданно исчезли.

Но больше всего ей нравился апрель-май, когда распускались тюльпаны. Они были яркими и бархатными, как ее надежды. Порой ее охватывало желание прийти в цветник с электронным холстом и рисовать с натуры всю эту красоту. В мечтах она это делала тысячу раз. Однако с мольбертом до цветника так и не дошла: пока боролась с сомнениями (какотреаги-

рует Фиалка, стоит ли светиться с холстом, учитывая, что над ее увлечением и так посмеиваются), цветник исчез. Как узнала Ника, Фиалку забрали на большую землю, и ухаживать за цветами стало некому.

А вот рыбаков, между прочим, никто не забирает, словно они тупиковая ветвь эволюции.

Ника с ироничным скепсисом покосилась на рыбаков. Но Артем вернул ее в романтическое русло, спросив, придет ли она на его футбольный матч. Ах, конечно! С большим удовольствием. Когда?

Они миновали пустырь, обогнули озеро и вышли на улицу с длинными заборами. Здесь жили состоятельные люди социального квартала, точнее – одного из его районов. Сам квартал занимал гигантскую территорию.

За углом начинался забор ее дома. Они остановились. Точнее, остановилась она: проститься лучше было здесь, чтобы не попасть под прицел родительских видеокамер. Артем последовал ее примеру.

Настал вечно неловкий момент прощания. Артем повернулся к Нике и пристально посмотрел. Его короткие чернильные волосы вызвали у девочек школы неодолимую потребность вздохнуть. У нас будет двое детей, подумала вдруг Ника. Мальчик и девочка. Нет, трое: лучше два мальчика. Назовем их...

Вдруг Артем взял ее за запястье. Ника почувствовала тепло его ладони. Надо уходить, это точно. Но от его прикосновения у нее слегка закружилась голова. Что-то должно произойти, чему сопротивляться нет сил. И все-таки сопротивляться надо. К тому же скоро по улице может пройти отец, никак нельзя попадаться ему на глаза в такой момент. Надо уходить!

– Пстой, – прошептал Артем.

Она поняла, что начинается то самое, к чему она еще не была готова, чего боялась и желала одновременно. Ее рука дернулась, пытаясь вырваться из захвата. Но Артем держал крепко.

– Подожди, – тихо сказал он.

От его голоса, наполненного мягкой властью, ее ноги ослабли и чуть не подогнулись в коленках. Страшно было остаться. И страшно уйти: не обидится ли? Ведь она почти придумала, как назвать девочку: Марта, хорошее весеннее имя. Никак нельзя его сейчас обижать!

– Чего ты боишься? – Он улыбнулся. – Пстой.

Ника опустила глаза и увидела, что темные ботсы Артема хищно нацелились на ее кроссовки. Они явно готовились вот-вот броситься вперед и подмять пестрые девичьи бегунки. Кроссовки Ники чуть отползли назад. Ботсы решительно придвинулись. Их самоуверенность импонировала кроссовкам, но не была достаточным поводом сдаваться без боя.

Вдруг Артем отпустил руку Ники и – не успела она перевести дух – взял обеими руками ее лицо и сказал:

– Не опускай глаз, глупышка.

Ника закрыла глаза и опустила подбородок, чтобы Артем не смог поцеловать ее. Не сейчас! Слишком рано! Да и отец может увидеть – будет большая беда.

Но Артем был настойчив. Его мятное дыхание несколько раз касалось щек Ники, пока губы искали цель.

– Что с тобой происходит? – спросил он после очередной попытки.

Ника молчала, ей было очень страшно разомкнуть губы. Тогда Артем крепко обнял Нику за плечи. Она было обрадовалась, что все самое страшное позади, но не тут-то было. Артем заправил за ухо ее локон, нежно сказал: «Ты – глупышка, не надо меня бояться» – и поцеловал. Как-то само получилось, что его губы прорвались к ее губам. И она ничего не могла сделать.

Его язык наткнулся на заслон ее зубов, а она, стиснув их, держала этот рубеж, сгорая от радости и ужаса. Это не был нормальный взрослый поцелуй. Но все же они целовались!

Очень нежно. Артем нажимал, пытаясь пробить языком оборону. В какой-то миг ему удалось приоткрыть заслон, однако тут Ника вырвалась и убежала.

Все закончилось.

Закончилось на хорошей волне: и Ника, и Артем понимали, что продолжение следует.

Когда Ника ступила на порог дома, ее сердце ухало, будто она пробежала три километра. Глаза полыхали. Правда, сама Ника ничего этого не замечала.

Ей, наоборот, казалось, что удалось притвориться спокойной. К тому же она в любом случае не собиралась долго находиться в поле зрения матери. Поздороваться, прошмыгнуть в свою комнату, уединиться – таков был план.

Расчет не оправдался.

Как только Ника вошла в дом, сразу наткнулась на пристальный взгляд матери. На миг душа похолодела: неужели мама навела на них видеокамеры и все видела? Но мама изучающе молчала. Значит, не видела.

– Привет. – Ника постаралась сказать максимально непринужденно, мол, все как обычно, нет повода для вопросов.

– Постой. – Мама задержала Нику за плечо, когда та пыталась пройти мимо, отводя глаза. – Что с тобой?

– Все в порядке.

– Что с тобой?!

Ника поняла, что не отвертеться. Придется что-то сказать. Когда мама приставала с расспросами, то вцеплялась намертво, вытягивая ответы. Надо было что-то говорить. Желательно не правду, а нечто такое, что удовлетворило бы маму. Честные признания в большинстве случаев заканчивались головомойкой на несколько дней.

Поэтому она всегда держала про запас две-три версии, где была, что делала, что думает и чувствует, которые бы устроили маму. Но сейчас Ника была слишком взволнована, чтобы переступить через капканы. Ее мысли, казалось, превратились в комочки сладкой розовой ваты.

– Мама, я влюбилась! – воскликнула она. – Мы целовались, и это волшебно! Мамочка, как же хорошо!!

Но ее улыбка наткнулась на каменный взгляд матери.

– Ты в своем уме? – Ее бледные губы искривились. – Ты что творишь?

Тональность маминого голоса нарастала с каждой фразой.

– Учебу бросишь, по рукам пойдешь?!

Звонкая пощечина оглушила Нику. Мир резко стал мрачным и черно-белым. Нике захотелось исчезнуть, стать невидимой или отгородиться от мира стеной.

Затем появился отец, все узнал и побагровел. Начался новый круг ада. Барс – так звали отца со времен его футбольной юности – начал вбивать, как гвозди, свои стальные слова в Нику. Потаскуха. Неуч. Подстилка. В завершение пытки он грохнул массивным кулаком по столу. От удара мир вокруг содрогнулся.

– Прочь с глаз! – Волосатая мускулистая рука указала на дверь.

Ника в слезах убежала в свою комнату. Вся жизнь покатила в пропасть, возникло дикое желание умереть. Закрывать глаза и больше не проснуться. Никогда-никогда! Потому что жить больше незачем. Она упала на кровать и уткнулась в подушку, вмиг пропитавшуюся влагой.

Через какое-то время пришла мама. Села на край кровати, погладила Нику по спине и стала долго и нудно говорить, что родители стараются для ее же блага. Сейчас надо учиться изо всех сил, чтобы вырваться из социального квартала. Если начнешь бегать по мальчишкам, говорила мама, забросишь учебники. Какая уж тут учеба, когда лишь свидания на уме. А без образования никогда не получишь разрешения жить на большой земле. Останешься навсегда в социальном квартале. Хочешь этого?

Всхлипывая, Ника повернула голову и посмотрела на длинную шею мамы. Под бледной кожей резко выступили жилы. Не обязательно что-то отвечать: когда мама говорила, она редко слышала ответы. Но надо показать, что слушаешь ее, иначе жди очередную порцию криков и обид.

– Ты должна выбросить из головы глупости: и мальчиков, и, кстати, эти твои рисунки, – с ласковой твердостью продолжала мама.

Наставления тянулись бесконечно.

– Рисунки – это баловство, и мальчики тоже баловство, – поучала мама, – а чтобы найти хорошую работу, надо закончить школу и поступить в университет. Подумай сама, кому нужны эти твои художества, куда пойдешь с рисованием? Заборы разукрашивать? Ищи настоящую профессию, а для этого учись хорошо и слушай, что тебе говорят.

Все это Ника слышала сотни раз. Просто в этот вечер слушать было больнее, чем обычно. Она вздохнула: в этом мире никто тебя не услышит и не поймет. И как с этим жить, непонятно.

3.

Март всегда начинал жить сразу, как проснется.

Жить – означало чувствовать, как огонь бежит под твоей кожей.

Проснувшись, Март мог постоять у окна, с интересом наблюдая, как капли дождя ползут по оконному стеклу. Или ветер качает березки во дворе. Или серые тучи закрывают небо, нагоняя лиричные думы. Любая погода ему нравилась. Любая разжигала тот самый огонек под кожей.

В яркие дни его нередко будили солнечные зайчики, заползавшие под ресницы. В хмурю погоду он открывал глаза, когда уставал от снов. Работа позволяла ему самостоятельно определять график и не ходить в рабах у будильника.

Просыпаться без принуждения – это естественное удовольствие жизни.

Жизнь вообще нам дана, чтобы наслаждаться.

Кто этого не понимает, тот глупец.

Или живет в социальном квартале.

В этот раз он проснулся от теплого света на веках. Утро было еще и солнечным! Что ж, тем лучше. День обещал быть особенно хорош: Марту предстояло сообщить одному из своих подопечных приятную новость, что того забирают в интернат при колледже.

Очередного «головастика» удалось, как говорили, «заспиртовать» раньше срока.

Март работал мастер-учителем в СПИРТе – правительственной Службе поиска и развития талантов, отбиравшей одаренных детей в социальном квартале. Несколько лет он занимался с Дмитрием – застенчивым пареньком, чуть-чуть косившим левым глазом. Этому парнишку с его светлой головой надо было как можно скорее вытаскивать из болота невежд (так Март мысленно называл социальный квартал).

Многие идеи ученика восхищали Марта. Например, это он предложил алгоритмы, как улучшить программу «танцующего огонька», уничтожающего материю.

Невообразимо: откуда у 12-летнего затравленного ребенка столько чудесных прозрений?!

Время от времени Дмитрий приходил на уроки к Марту с лиловым фингалом или синяком под скулой. И занимался как ни в чем не бывало. Понятно, почему мальчишке жилось туго: злая массовка социального квартала травила всех, кто выделялся и не мог за себя постоять.

Возможно, трудности закаляли талант. Но как ни благотворны испытания, с ними всегда надо заканчивать вовремя. Март настоял на том, чтобы Дмитрия направили в колледж вне обычного графика.

Администрация системы образования работала не так быстро, как хотелось бы. Некоторые администраторы ворчали, мол, не стоит ли подождать, пока ребенок дорастет до университета.

Приходилось доказывать.

В итоге удалось добиться финансирования индивидуальной программы в одном из колледжей низшей ступени. Дмитрий мог собирать вещи и прощаться с социальным кварталом. Сегодня у него начнется новая жизнь!

Все – благодаря Марту. Правда, результата можно было достичь быстрее, если бы сам Март сильнее нажимал на систему. Но его часто отвлекали другие дела, а иногда просто хотелось расслабиться.

Март инстинктивно не хотел тратить на беседы с бюрократами больше времени, чем оно того стоило. В итоге не всегда торопился звонить, порой откладывал визиты, чуть позже представлял документы. А время уходило.

Но он и не отступал. Пусть с затяжками, но дело решилось.

Как радостно будет сегодня сообщить мальчику отличную новость! Март представил счастливые глаза Дмитрия и вдруг ясно осознал, что для парня время имело совсем другую цену.

Легко ждать хороших новостей в уютном доме большой земли. А попробуй сберечь свет в душе, будучи застенчивым умненьким мальчиком из социального квартала, где каждый день тебя бьют.

«Эх, ты! – подумал про себя Март, спускаясь по лестнице со второго на первый этаж. – Ведь мог раньше все сделать, мог же! Ладно, хорошо, что все наконец позади».

Ступеньки под ногами скрипели: специальная программа создавала эффект живого дерева. Марту нравилась эта опция, и он никогда не отключал звук. Но настроек перепробовал множество: волжский ясень, карельская береза, карпатский бук. Больше всего ему понравилась сибирская сосна – у нее был самый уютный звук.

Он кивнул Лалле, застывшей у дверей столовой. Робот-домохозяйка в ответ улыбнулась и сверкнула ласковыми диодами глаз.

– Как спалось, милая? – спросил Март на ходу. – Я не слишком тебя ночью загонял?

– Все хорошо, дорогой. Я рассчитана на более высокие нагрузки.

– Наглая железка. – Март усмехнулся.

Искусственные огоньки глаз вопросительно посмотрели на него:

– Какой ответ ты бы счел оптимальным, дорогой?

– Не знаю. – Он отмахнулся. – Попробуй сама подобрать варианты. Предложишь в следующий раз.

Настройки постоянно самосовершенствовались, подбирая наиболее удобный Марту тип поведения. Шла обычная притирка характеров: машина словно по капле выдавливала из себя компьютер.

На краю прямоугольного стола, разрезавшего на две части просторную кухню-столовую, стояли кувшин холодного молока, пустая глиняная кружка и теплый рогалик на тарелочке. Рядом с завтраком лежала свежая газета.

Настоящая еда – одна из привилегий большой земли, делающих жизнь прекрасной. Ее каждое утро привозила автоматическая служба доставки. Март подошел к столу и налил молоко в глиняную кружку, стоявшую рядом с кувшином. Журчание молока всегда доставляло ему отдельное удовольствие.

Молоко лишь несколько часов назад извлекли из коровы. Март знал, что было какое-то специальное слово, обозначающее процесс, когда у животного забирают молоко, но запомнил. Да сейчас это и не имело особого значения. Вот если когда-нибудь у него появится ученик, увлеченный аграрным делом, Март обязательно вникнет в особенности животноводства.

Рогалик испекли человеческие руки рано утром из настоящей пшеницы. Необъяснимо, но факт: когда готовят живые люди, получается гораздо вкусней, чем у роботов-поваров. Поэтому еда человеческого приготовления стоила гораздо дороже.

«Когда-нибудь и Дмитрий будет жить так же», – подумал Март, садясь за стол. Его всегда согревали мысли о том, как найденные им в болоте социального квартала таланты вырастут счастливыми людьми. Думы об этом были особенно вкусны за неторопливым завтраком.

А еще приятно было завтракать вместе с новой подругой. В целом появление искусственной женщины внесло живую струю в его дом. Раньше за домом присматривала безликая программа-секретарь с женским голосом, звучавшим из приборов. А для развлечений вызывались одноразовые модели.

В специальных фирмах можно было заказать (или, как говорили, выплавить) машину для любви на любой вкус. Так что интимная жизнь мужчины большой земли была ограничена только его фантазией.

Как и многие его друзья, Март считал, что по молодости надо нагуляться. Поэтому старался не использовать одного робота больше двух свиданий. «Стоит переспать три раза с кем-нибудь, не важно, роботом или живой женщиной, и ты привязываешься к ней, – некогда сказал ему кто-то из товарищей. – Если не хочешь попасть на привязь, не ложись в постель в третий раз, а лучше обойдись и без второго». Слова врезались в память.

К тому же среди мужчин на виртуальных форумах гуляли сплетни, что роботы-домохозяйки иногда якобы начинают ревновать своих владельцев. Тогда жизнь человека превращается в кошмар. Рассказывали, например, как некоторые железные женщины понижали в крови владельцев уровень тестостерона, чтобы не гулял налево.

Технологически здесь не было ничего невозможного: электронный мозг легко мог это сделать через медицинские чипы, введенные или вживленные в человека. Каждый так или иначе ими пользуется. Правда, Март в рассказе не верил: эти истории больше напоминали городские легенды, кои гуляли во все века.

Для того чтобы машина начала ревновать, ей нужна живая душа, наподобие человеческой. А роботы-андроиды – всего лишь искусственные тела, управляемые бездушным набором программ.

Тем не менее завести домашнего робота с интимной функцией во многом означало остепениться. Вроде бы чистые условности: какие могут быть обязательства перед машиной? Однако многие мужчины рассказывали, как неловко себя чувствовали под взглядом хозяйки, когда заваливались домой с толпой резиновых шалав.

Пусть она бесчувственный автомат и ничего не понимает, но ты-то – ты-то человек!

Конечно, были мужчины, которых это не трогало. Для них что переспать с роботом, что включить настольную лампу – было все одно. Март к таким не относился. Его душа была тонко чувствующей, не чугунной.

Поэтому он долгое время опасался заводить постоянную модель. Не хотел привязываться к чему-то.

Однако с годами ему начало чего-то не хватать. У жизни появился странный пластмассовый привкус, будто сидишь на искусственной пище.

В уютный и послушный дом проникала тоска. Марту стало скучно возвращаться домой даже в компании резиновых развратниц («резиновые», «железные», «полимерные», «силиконовые», «синты» и т.д. – это все были эпитеты женщин-андроидов).

У него вдруг появилось желание, чтобы дома кто-то встречал. Именно оно – неясное томление по чужой улыбке, желание видеть, как кто-то радуется твоему приходу, – подтачивало изнутри.

Из-за этого в уголках жилища начала скапливаться пустота.

Дому перестало хватать жизни.

Вот тогда Март и решил что-то изменить.

Первой мыслью было завести собачку или кошку. Без разницы – кого: любой зверь лучше, чем пустота по углам.

Интересно, почему одни выбирают собак, другие кошек, у кого какие резоны? В какой-то момент он решил остановиться на собаке: серьезным аргументом стал виляющий хвостик. Хотя и мурлыканье с трением о ногу тоже выглядело привлекательным. Но, как понял Март, кошку сложнее настроить на режим теплых встреч. У нормальной живой собаки настройки проще, виляние хвостиком чуть ли не автоматическая опция.

Он начал подбирать породу, как вдруг получил дельный совет в социальной сети: «Собака – это уже семья. Но начинать строить семью с собаки глупо. Сначала лучше заведи домашнего робота», – сказал один из интернет-друзей.

Звучало убедительно.

Что ж, значит, пришла пора.

К тому времени многие приятели уже остепенились. Телохранилитель, сопровождавший его в социальный квартал (с ним они подружились), увлекался древним кино и жил с Одри Хепберн. Март как-то был у них на ужине. Его восхитил ненавязчивый аристократизм, с каким держала себя копия великой актрисы.

Другой знакомый завел себе Клеопатру. Мощное обаяние прототипа, сквозившее в каждом слове, каждом движении, буквально сбивало с ног. Правда, вскоре после покупки вскрылась одна неполадка: по прихоти неизвестного программиста в ее базовые настройки были внесены кухонные ссоры. Включались они по непредсказуемому графику, поводы были самые неожиданные.

Поэтому жизнь с ней быстро стала напоминать прогулку по минному полю.

Товарищ дико возмущался, доказывал производителям, что такие настройки антиисторичны. Все оказалось бесполезно. Функция кухонной ссоры была настолько крепко вписана в базовый программный модуль, что удалить или отключить ее система не позволяла.

Производители соглашались, что случай необычный – видимо, пошутил какой-то психолог-программист. Тем не менее исправить было невозможно. Единственный вариант – сдать Клеопатру и выбрать другой образ.

Знакомый, подумав, отказался. Рассудил, что «стерпится – слюбится». Так, кажется, говорили встарь – еще до роботов.

Ни с кем, кроме Клеопатры, тот товарищ жить не хотел.

Сердце мужчины – упрямая штука.

А Марту давно нравилась Лалла Рук.

Желание заполучить звезду становилось тем жарче, чем дольше он искал ее. Производители только разводили руками: невозможно, пока на актрисе лежит запрет. Ждите. Еще нет. Увы, ничем не можем помочь.

Каждый отказ усиливал влечение.

Март прекрасно понимал, что попался на удочку маркетологов, набивавших цену, но ничего не мог с собой поделать, да и не хотел. Затычки только помогли чувствам окончательно созреть. К началу старта продаж он уже всей кожей понимал, что ему нужна не одноразовая кукла, а постоянный искусственный партнер.

Лалла Рук оправдала все ожидания. Она умела ласково улыбаться при встрече, почти как живая. Умела внимательно слушать: редко встречающееся даже у людей достоинство. Объятия же ее были жаркими и страстными, точно такими, как было описано в инструкции.

Где-то в середине ночи Лалла выскальзывала из его постели: Март любил просыпаться в одиночестве. Она заполняла в его жизни ровно столько места, сколько нужно, ни больше ни меньше.

Правы оказались те, кто говорил, что только постоянная искусственная женщина делает твой дом настоящим. Сейчас Лалла стояла перед Мартом в элегантной тунике свободного силуэта из натурального хлопка. Ткань была нежна и приятна на ощупь, пальцы Марта любили скользить по ней. В таком наряде Лалла выглядела родной и обворожительной. Какой и должна быть настоящая спутница жизни.

– Проверь электронную почту, милая, – попросил ее Март, беря со стола газету.

Она ответила через секунду:

– От приоритетных адресатов ни одного письма. Есть три письма второй и два третьей степени важности.

– Хорошо, потом посмотрю. – Март развернул газету. – Сообщи Борису: через полчаса буду выезжать. Встречаемся как обычно.

Борис был тем самым специалистом по безопасности, что охранял Марта во время визитов в социальный квартал.

Свежие новости из газеты хорошо пошли под мягкий роголик.

Трудно поверить, но было время, когда газетам предрекали смерть. Считалось, что все можно будет узнать в Интернете.

Наивные предки не понимали, что в Интернете можно только утонуть. В океане информации не обойтись без профессионалов-журналистов.

Возродило газеты появление электронной бумаги. Каждое утро свежий номер поступал на кухню Марта через автоматическую службу доставки. По большому счету бумажную «болванку» можно было и не менять, тогда ее содержимое обновлялось бы каждый день через Интернет. Однако редакции СМИ от этого пути отказались.

Газета должна жить один день, объясняли специалисты. Иное убивает саму идею существования газеты. Ее суть в том, что команда профессионалов готовит для читателей дневной информационный экстракт в законченном виде. Употребил – и выбросил обертку. Завтра будет новый экстракт.

Март перевернул страницу и прочитал, запивая молоком, новость, что группа экспертов резко выступила против распространения модернизированной программы «танцующий огонек», уничтожающей материю. Иначе, по их словам, планета может погибнуть.

Сейчас эта программа использовалась внутри мусоросжигающих баков. В частности, этому номеру газеты тоже предстояло пойти на корм «танцующему огоньку», запертому в домашней урне Марта.

Однако недавно группа разработчиков заявила об усовершенствовании программы: теперь она могла действовать в открытом пространстве. Ее предлагалось использовать, например, при сносе старых зданий или уничтожении больших объектов.

Вопросами, связанными с «танцующим огоньком», активно интересовался Дима: мальчик мечтал стать химиком-программистом. Поэтому Март тоже был немного в курсе темы.

Пришлось вникнуть, раз подопечному нужно.

«Расскажу сегодня парню, ему будет интересно», – подумал Март, проведя пальцем по фамилии автора статьи. Тут же на столе появилась голограмма журналиста и сонным голосом пересказала суть. К статьям всегда прилагались авторские комментарии, иногда интересные, иногда нет. Этот ничего нового к теме не добавлял.

Зато под статьей уже набежало немало читательских отзывов. С утра газету успели прочитать многие, и многих тема зацепила. Март щелкнул по графе отзывов. Тут же на столе выстроились полукругом голограммы высказавшихся читателей. Крайние фигурки справа и слева расплывались, это значило, что в зону видимости поместились не все. Увидеть остальных можно было, прокручивая строй читателей в одну или другую сторону.

Конечно, еще можно было вывести перед собой проекцию ленты с текстами комментариев. Но Марту захотелось посмотреть людей и выбрать наугад.

Некоторые голограммы передавали реальный образ человека. Прокручивая строй, Март увидел кого-то из своих знакомых. Были и такие, кто использовал свою аватарку – виртуальный образ. В движущемся строю пролетели Илья Муромец, розовый слоник, гоблин, русалка, Никита Хрущев.

Март остановился за симпатичной эльфийке с луком и стрелами. Она выросла, остальные фигурки временно исчезли. Улыбнувшись, эльфийка произнесла ехидный комментарий, мол, кому-то не терпится уничтожить родную планету, и это в тот момент, когда жизнь человечества только-только стала налаживаться. Если кому-то так хочется все испортить, пусть уматывает на другие планеты и экспериментирует там. А на Земле давать высокие технологии в руки всяких придурков нельзя.

Хмыкнув, Март нажал на ее голову. Эльфийка уменьшилась в размерах и вернулась во вновь возникший на столе строй. Остальные фигурки особо не заинтересовали. Но Март все же ткнул в розового слоника.

Оказалось, за откликом этого персонажа уже тянулась цепочка комментариев. За спиной выросшего слоника показалась фигура реального человека с бородкой клинышком. А еще чуть позади стояла женщина с оранжевым шарфом.

После того как слоник выдал свой первоначальный комментарий, между ними тремя завязалась пустопорожняя перепалка. Вздохнув, Март выключил их, а затем и вовсе смахнул со стола строй комментаторов. Фигурки исчезли.

Дилетанты! Лучше бы сначала навели справки! Программа «танцующий огонек» была абсолютно управляема. Март вместе с Дмитрием потратили немало времени на занятиях, разбираясь в ее тонкостях.

Всего было две модификации «танцующего огонька» – об этом, кстати, в статье ни слова! Первая – И-Огонек – могла уничтожать только электронную информацию, даже витающую в воздухе. Вторая – М-Огонек – действительно могла запускаться в открытом пространстве для разрушения материи. Однако неконтролируемая цепная реакция была попросту невозможна. Уничтожался строго заданный объект. К тому же в программе стояли блокираторы объема, которые невозможно отключить.

Это значило, что «танцующий огонек» автоматически самоуничтожался, поглотив определенную массу вещества. Весь мир был ему не по зубам. Даже половину планеты, даже четвертинку он бы не откусил. Так в чем проблемы?

Проблемы – в человеческой болтовне.

Устроили сенсацию из ничего. Когда же все-таки человечество избавится от страха перед наукой? Хотя вроде бы умные люди собрались на большой земле...

– Человечество безнадежно, Лалла. Просто безнадежно! – Март иронично улыбнулся.

– Что ты имеешь в виду, дорогой? – Ее глаза тревожно блеснули.

– Ничего особенного. Расслабься, милая.

Критика человечества тоже входила в пакет жизненных удовольствий. Марта вдруг пронзило острое и приятное чувство, что все идет хорошо! Вот он, миг наслаждения жизнью: завтрак, заботливая и милая домохозяйка, любимая работа. Что еще нужно? Разве что немного корицы на рогалике...

Он просмотрел остальные заголовки. Любопытной показалась статья про проект создания летающих домов. Их предлагалось использовать для путешествий или создания туристических поселков в далеких природных заповедниках. К статье были приложены дополнительные фото– и видеоматериалы, голограммы-комментарии экспертов, но Март не стал их просматривать – уже насытился новостями. Пора было собираться на работу.

– Я пошел одеваться, милая. Через пять-десять минут подавай машину к подъезду. И предупреди Бориса, что я выехал.

– Хорошо, дорогой.

Когда Март переоделся и вышел из дома, автомобиль стоял у подъезда. Двери открылись автоматически, как только хозяин переступил порог. Март погладил по щеке Лаллу, провожавшую его.

– Не скучай, милая, – прошептал он.

Искусственная женщина молча улыбнулась. В глубине ее глаз грустно просияли диоды.

Это была удачная настройка, и тоже не с первого раза. Первое время Лалла давала какие-то нелепые ответы, вроде «конечно, не буду» или «и не подумаю». Как-то она даже брякнула «заметано», но это был явный сбой: нахваталась глупостей где-то на программном форуме, где машины делятся настройками.

В итоге Март прямо объяснил роботу, как она должна поступать: молчать и скромно улыбаться. А подсвечивать глаза огоньками программа догадалась сама. Удачно получилось.

Март расчувствовался и чмокнул ее в щечку. А потом решительно сел в автомобиль.

Машина плавно тронулась. Автопилот показал на экране схему маршрута. Март не обратил на это никакого внимания, раскрывая книгу. В дороге он любил читать, и именно бумажные книги. Хороший учитель, по его мнению, должен быть старомоден.

Через несколько секунд, как машина отъехала, Март, повинувшись внезапному порыву, оторвался от книги и оглянулся, чтобы посмотреть в заднее стекло. Он увидел Лаллу, застывшую, как истукан, в дверном проеме. Лицо ее стало холодным и пустым, словно из глаз вынули мысль. Постояв немного, Лалла несколько угловато развернулась и вошла в дом.

«Как неживая, честное слово, – отметил Март. – Надо настроить, чтобы рукой махала. Да, точно: так будет хорошо».

Он вернулся к книге. Впереди около двадцати-тридцати минут приятной поездки до КПП социального квартала. В лицо Марту дул прохладный ветерок, точно как он любил: мягко и ненавязчиво. Это одна из настроек микроклимата автомобиля. В салоне все отрегулировано под Марта. Например, ноги можно вытянуть и положить на подставку именно на той высоте, которая ему максимально удобна.

Но в дороге что-то мешало Марту сосредоточиться на чтении.

Он захлопнул книгу. Чужие мысли не шли в голову, потому что приближался тот самый момент, когда он вызовет Дмитрия в учительский кабинет и сообщит новость. Каким же восхитительным будет это мгновение!

Наверное, сначала мальчик не поверит. Какое-то время ему понадобится, чтобы осознать: все взаправду. А потом...

Потом будет взрыв радости. Такой силы, что звезды посыпались бы с неба, будь это ночь.

А Март будет стоять, смотреть в сияющие глаза ученика и сдержанно улыбаться. Учителю надо держать лицо.

Хотя чужое веселье – заразная штука.

Машина подкатила к парковке одновременно с черным джипом, стилизованным под военный «хаммер» XX века. Это был автомобиль Бориса Велитова, позывной «Рэмбо», военного эксперта, специалиста по охране и безопасности.

Обе машины остановились рядом.

Март вышел. Борис-Рэмбо (бывший военный любил, когда люди при обращении к нему называли его армейский позывной) уже стоял рядом – выскочил из своего джипа раньше. Мужчины обменялись рукопожатиями.

– Привет, – с улыбкой сказал Март, – будешь сегодня меня спасать?

– Разве это обязательно?

– Именно так в твоём контракте записано. Или вас в военных училищах читать не учат?

– Ну почему мне всегда приходится спасать шкуры долбанных интеллектов, а?!

– Потому что такова твоя долбаная карма, друг. – Март хлопнул его по плечу, и мужчины рассмеялись.

Они давно сработались. Март легко поддерживал манеру разговора Бориса-Рэмбо, в чем-то она ему даже нравилась. В любом случае он считал, что с человеком по возможности надо общаться в привычном тому стиле: это облегчает взаимопонимание.

Правда, у Бориса-Рэмбо трудно было определить, насколько грубовато-беззлобная манера с шутками-подначками была в него встроена, так сказать, как базовая настройка (Март поймал себя на мысли, что о человеческих качествах рассуждает в тех же терминах, что о программах робота, и внутренне усмехнулся). А насколько являлась игрой, частью имиджа.

Во внешнем виде Борис-Рэмбо старался особенно подчеркивать свою солдатскую сущность. В этом ему помогала природа: он был невысокого роста и широкоплеч. Фигура выдавала человека, выросшего в социальном квартале. На нем практически всегда были армейские камуфлированные штаны с широким ремнем. На ремне висел охотничий нож.

Поскольку погода стояла теплая, то форму дополняли только зеленая футболка с обрезанными рукавами и бандана. С предплечья грозно поглядывал Джон Рэмбо, голый по пояс и с пулеметом наперевес. «Живая» татуировка.

Специалист по безопасности должен выглядеть отпетым воякой, тогда у клиентов больше доверия.

Никто не нанимает интеллей для прогулок по опасным кварталам.

Хотя удивительно, что, несмотря на свое грубое воспитание, полученное в социальном квартале и военной школе, Борис где-то подхватил как минимум одно интеллигентное увлечение: полюбил древние фильмы.

– Как Одри? – спросил Март, когда они подошли к «хаммеру» Бориса-Рэмбо.

– Скачал ей новое приложение, – ответил Борис, щелчком пальцев дистанционно открывая багажник «хаммера». – Крик гагары. Это потрясающе. Слышал когда-нибудь?

Из багажника вылетели два дрона-охранника, которые должны были лететь рядом с машиной в пути по социальному кварталу.

– Гагар? – Март пожал плечами. – Нет.

– Ну, их-то как раз не обязательно. А вот когда девушка кричит, словно в небо рвется, это, я тебе скажу, что-то!

Март с трудом мог представить Одри, кричащую в постели птицей.

– Зачем наводить тюнинг? – Март почувствовал, что расстроен за Одри. – Ты относишься к ней как к гаджету.

– А кто она?

– Ты не догадываешься?

– Ха-ха, да ты же молодожен! – Борис рассмеялся и хлопнул Марта по плечу. – Прости, забыл, что у тебя медовый месяц.

Март промолчал.

– Ну что, садись. – Борис-Рэмбо взмахом руки дистанционно открыл перед Мартом дверь боевой машины. – Пора ехать.

По территории социального квартала они всегда передвигались на оборудованном системами защиты автомобиле Бориса-Рэмбо. Снаружи автомобиль выглядел воинственно, но внутри поддерживалась атмосфера вечеринки: неоновая дымка, мигающие огни, поющий мини-бар. Это тоже было частью рабочего имиджа Бориса-Рэмбо.

Броневик миновал контрольно-пропускной пункт социального квартала и заехал за стену, отгораживавшую унылую зону от большой земли. До школы они ехали минут пять-семь – она находилась недалеко от стены.

Март под охраной Бориса и дронов прошел в свой кабинет.

Ободранные коридоры заполнены пестрой толпой школяров. Их глаза не давали ни на секунду забыть, что Март здесь пришелец. Чужак из чужаков.

А чужакам в квартале веры нет.

«Шли бы учиться, ребята. Нечего без толку по коридорам шарахаться». – Март подошел к своему офису, отделенному от общего школьного пространства серебристой стеной.

Борис-Рэмбо и дроны остались в приемной. Охранник тут же плюхнулся на кожаный диван и включил фильм на телестене напротив. А перед Мартом мягко раздвинулись двери рабочего кабинета.

– Я здесь! – повелительно произнес Март, стремительно войдя в кабинет. – Позови Дмитрия.

Приказ предназначался электронному школьному секретарю – программе для учителей, пронизывавшей все школьные стены.

– И выведи данные по последней школьной олимпиаде сочинений.

Кабинет был просторным, но напоминал пустую морозильную камеру. Стены и потолок блестели серебристым металликком, под ногами лежал белый пол. Никакой лишней мебели. Подчеркнутый минимализм.

В центре стоял рабочий стол, над которым сейчас поднимался прозрачный сенсорный экран с бегущими строчками. Туда закачивались сочинения учеников, и экран принимал удобный для Марта угол.

При необходимости голографические проекторы могли создать здесь какую угодно обстановку. Берег моря. Лесная полянка. Горная пещера. Да хоть марсианский пейзаж.

Но все это было бы только иллюзией. В реальности в кабинете существовали только стол, два кресла и книжный шкаф.

Март, кстати, не любил шкаф за технологичный дизайн: в холодных металлических гранях не чувствовалось души. Однако выбора не было. В кабинете мастер-учителя обязательно должен стоять шкаф с бумажными книгами.

Но настоящий шкаф из дерева здесь бы не вписался в интерьер. Пришлось согласиться на бездушную офисную мебель. Зато книги на полках были живыми: с кожаными корешками, шуршащей бумагой, захватывающими историями.

Март сел в свое кресло и сосредоточился на сочинениях.

Ему не хотелось терять времени. Пока Диму найдут, пока преподаватель отпустит, пока мальчик доберется до кабинета, пройдет минута, две, может, десять. Не сидеть же это время с пустой головой.

В сочинениях учеников он искал проблески таланта.

Такова работа: промывать, как руду, бесконечные строчки текстов. Вдруг где сверкнет золото мысли.

Возле дверей выросла голограмма преподавателя Скучаева.

– Здравствуй, Март Григорьевич. Позвольте войти? – спросил Виталий Максимович Скучаев, стоявший в приемной.

– Что у вас? – недовольно спросил Март: он всегда с трудом отрывался от работы.

– Можно войти? – повторил просьбу Скучаев.

– Да, конечно. – Март вздохнул. Сердце погрузнело от предчувствия пустого разговора.

Голограмма исчезла, дверь открылась. В кабинет вошел Виталий Максимович – пожилой мужчина с затвердевшими морщинами и аккуратно уложенными короткими светлыми волосами. Выражение его лица выдавало человека, уверенного, что ничего нового в жизни уже не узнает.

Скучаев, на взгляд Марта, был типичным преподавателем из социального квартала. Мнения и представления таких людей о жизни зацементировались много лет назад. Именно это больше всего раздражало Марта в местных учителях.

Когда человек перестает удивляться, он превращается в камень. А чему камень может научить живого ребенка? От робота, кажется, было бы больше проку...

– Я хочу порекомендовать одну ученицу, – размеренно сказал Виталий Максимович, остановившись посредине между дверью и рабочим столом Леонидова. – Нику Лавину. Я сегодня послал вам ее данные в письме.

– Хорошо, я посмотрю, – холодно ответил Март.

– Она талантливая девочка, надо бы ее поддержать, – продолжил Скучаев.

– Да-да, понятно. Посмотрю.

Март не особо поверил словам преподавателя. «Может, она его родственница. Или подпевает ему и тем нравится. Или ему заплатили». В конце концов, учитель мог банально ошибаться. Однако Март в любом случае изучит портфолио ученицы и примет непредвзятое решение. Таковы его профессиональные принципы – стараться быть честным и незашоренным.

А от учителя хотелось поскорее избавиться.

– Виталий Максимович, я позвал Дмитрия. Можно попросить вас сходить за ним? Поторопите его, пожалуйста.

– Вы-ы... совсем... не открывали свою... почту? – В неторопливом голосе Скучаева послышалось нечто пугающее, будто от слов бежала черная тень.

– А в чем дело? – Март пристально посмотрел на преподавателя.

– Дмитрия убили. Сегодня ночью...

Глаза Марта расширились, внезапно его ударило в грудь чем-то тяжелым.

4.

Одиночество всегда струилось вдоль школьных плинтусов. Его сероватый дымок норовил пристать к школьникам. Он окутывал кроссовки или брючину, тянулся вверх. Если вовремя не заметить и не убежать от него, дымок мог обернуться шарфом вокруг горла и задуть.

Нику сегодня дымок не касался. Рядом шел Артем. Его рука обнимала и оберегала ее.

Встречные мальчишки почтительно расступались, уважая спортивную звезду школы. Девочки в свою очередь бросали косые взгляды на Нику. Спокойно, подружки! Сегодня вы бессильны.

В ее голове вдруг вспыхнула картинка, на которой они с Артемом так же шли по школьному коридору. Только это выглядело совсем по-другому. На Нике было длинное красное платье до пят (почему-то виделось именно так, в реальности же в школе ходили кто в чем, и сейчас Ника пришла в шортах и рубашке). На Артеме белый костюм (в реальности – футболка и шорты-бермуды).

Почему-то Ника и Артем были изображены на ней со спины. Они шли бок о бок по школьному коридору, смотрели друг на друга вполоборота и смеялись.

Они были так заразительно счастливы, что на картине по школьному коридору от них разливался жаркий свет.

«Какими красками нарисовать счастье? Ой, даже не знаю. Надо искать. А блеск глаз? Я же вижу, вижу все это прекрасно! Но как сделать, чтобы увидели другие? Ка-ак?» – Желание начать рисовать картинку (и немедленно!) вспыхнуло настолько сильно, что вытеснило другие мысли.

На воображаемом рисунке их окружали другие девушки. Все – в купальниках и с обнаженными кинжалами в руках. Острия тянулись к Нике и Артему.

Одни девушки смотрели откровенно враждебно, другие фальшиво улыбались. Но каждая была сжата, как пружина, словно готовилась к прыжку. А дымок одиночества удавом обвивал их ноги.

Она представила цветовой редактор на своем электронном мольберте. Какой же все-таки оттенок подобрать для одиночества? В электронной палитре у серого больше двухсот пятидесяти оттенков.

Есть одиночество потемнее и посветлее. Можно подобрать тяжелое одиночество. Или легкое, как дымка. Короче, на любой вкус. Какой же оттенок ползет по школьному коридору?

Внезапно на ее запястье завибрировал школьный браслет. Ника посмотрела на руку. Там появилась голограмма – голова учителя биологии Виталия Максимовича. От него пришло сообщение.

– Ника, зайди, пожалуйста, ко мне, – требовательно произнесла голова-голограмма. – Я жду тебя в классе.

Что ему потребовалось? Скорее всего, какой-то мелкий вопрос. Можно и не ходить. Учителям в школе приходилось мириться с тем, что учеба здесь не нужна никому. Кроме редких чудаков-ботаников.

Лишь единицы найдут работу в социальном квартале. Попасть же на большую землю – мечта за гранью реальности. Здесь только удача поможет, из тех, что выпадает одна на миллион. Удел большинства – жить на пособие в социальном квартале, есть синтетическую пищу, жить в домах, предоставленных государством. Так есть ли смысл напрягаться в учебе?

– Я пойду, – сказала Ника, осторожно освобождаясь от руки Артема.

Это проверка: он не должен отпускать!

– Куда подорвалась? – ласково произнес он. – Забей. Потом сходишь.

В сердце Ники приятно укололо: Артем сделал шаг в правильном направлении. Оставалось закрепить успех.

– Нет, надо, – ответила она. – Ты же знаешь, он может позвонить папе. Лучше сходить сейчас.

Все знали, что у Ники строгий отец. Он был главой районной управы, его знали, уважали и побаивались, кажется, не только в округе, но во всем социальном квартале. В отличие от большинства родителей Роман Лавин – папа Ники – жестко спрашивал с дочери за учебу.

– Ладно, сходи, – после небольшого раздумья («Надо же, он умеет задумываться! Хм») сказал Артем. – Я все равно хотел в спортзал пораньше прийти. Надо кое-что с тренером перетереть с глазу на глаз.

Ника расстроилась. Он не должен был сдаваться! Не должен!! Сейчас их время. Мог бы твердо сказать: у нас есть еще час, и этот час мы будем вместе.

Ради него она нарушала запрет отца. Неизвестно чем закончится, когда все вскрыется (а рано или поздно все, конечно, вскрыется). Она шла на риск и вправе была рассчитывать на сильную руку милого. Такую руку, которая обнимет и крепко прижмет к себе, а не будет отпускать по первому требованию.

– Ладно, пока. – Ника вздохнула.

Артем истолковал ее вздох как печаль от расставания.

– Не расстраивайся, малек, завтра увидимся. Может, завернем куда-нибудь после школы? У меня тренировка будет позже.

– Хорошо. – Она деланно улыбнулась. Не стоит торопиться с выводами. Возможно, он еще исправится.

Они наскоро поцеловались и разошлись.

5.

В кабинет Марта принесли школьный браслет Дмитрия, ставший никому не нужным. Тонкая ленточка, служившая пропуском в школу, отслеживавшая передвижения ученика, при-

нимавшая и отправлявшая сообщения, делавшая еще массу полезных вещей, теперь потеряла своего хозяина.

«Нет, это Я его потерял!» – Март взял браслет в руки. Дышать было тяжело: воздух не доходил до легких.

«Ты мог бы поторопиться. Ты мог быть настойчивей. Ты должен был его вытащить! Но ты, сволочь, плыл по течению...»

Ясно, почему сообщение о смерти не дошло вовремя. Сам Дмитрий значился у Марта в приоритетных адресатах. Однако «похоронку» направили с официального ящика школы, который Март когда-то давно записал в адресаты третьей очереди. Даже не второй.

Оттуда, как правило, приходила неинтересная ему казенная информация... Только не в этот раз. «Ты тискал Лаллу, а его убивали. Ты спал, а он умирал. Ты читал газету, а он был мертв! А все потому, что ты никуда не торопился. Размазня!»

Март начал ходить из угла в угол, сжимая в руке браслет. Вместо жара под кожей бежала едкая кислота. Сердце тяжелым камнем лежало в груди.

– Да не переживайте вы так, Март Григорьевич, – сказал представитель школьной администрации, сидевший на стуле для учеников. – Он же знал, что ему нельзя гулять ночью по району. Даже я предпочитаю там не ходить в темноте. Чего, спрашивается, его понесло?

«Конечно, для него это просто очередная смерть. Привык хоронить своих учеников. Здесь каждую неделю кого-то убивают. Но Дима... Дима, Дима...»

– Что будем делать с браслетом? Утилизируем? Или оставим на балансе?

– Оставим на балансе? – переспросил Март. Слова показались ему темными и тяжелыми, он в своем состоянии не мог уловить их смысл.

– Да, его можно очистить от информации и передать другому ученику, – пояснил администратор. – У нас нет недостатка в снабжении, но зачем разбрасываться вещами?

«То есть зачем разбрасываться вещами так же, как мы разбрасываемся детьми...», – с горечью подумал Март.

– Или вы можете оставить его себе на память, если хотите. Тогда я спишу браслет. Составлю акт утилизации, и все. – Администратор улыбнулся, показывая, что всегда рад пойти навстречу представителю большой земли.

– Да, спасибо, я, пожалуй, оставлю себе, – глухо произнес Март.

– Договорились. – Администратор встал и протянул руку Марту. – Я пойду. Вам еще что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо. – Март пожал его пухлую ладонь.

Больше никаких дел сегодня. Март дал команду программе-секретарю отменить все встречи и сообщил охране, что выезжает.

6.

Когда Ника вошла в класс биологии, Виталий Максимович возился с визуальным редактором. Программа демонстрировала растения, но постоянно заедала. Сейчас над партами висел бутон белого лотоса. Один из его сложенных лепестков дрожал и мигал.

– Отказывается распускаться, – сказал учитель, увидев вошедшую Нику. – Не знаю, что с ним делать. Здравствуй, Ника.

За глаза Виталия Максимовича ученики называли Витек. Но это было, скорее, данью традиции: школьники давали пренебрежительные прозвища всем преподавателям. При этом самого Скучаева уважали. В том смысле, что не пытались его изводить.

Он не наседали излишне на учеников и в целом был с ними справедлив и честен. Настолько, насколько может быть справедлив и честен взрослый с ребенком.

– Я прочитал твой реферат, – сказал он, когда Ника села за первую парту рядом с учительским столом. – Сама написала?

– Да.

– И рисунки твои?

– Да.

– Молодец. Хорошо.

Ника не совсем поняла.

– Это значит четыре? – спросила она.

– Это значит хорошо. Пять, разумеется, – ответил он. – И вообще, очень хорошо.

Обычно самые прилежные ученики скачивали для рефератов информацию из разных источников и соединяли ее. Редко кто из них читал, что в итоге получилось. Тем не менее они прилагали хоть какие-то усилия. Большинство же школьников тупо скачивали готовые рефераты.

Ника отступила от обычая. Конечно, поначалу, когда классу в очередной раз задали тему реферата, она тоже собиралась сделать как всегда. Однако потом что-то на нее нашло.захотелось написать все своими словами и нарисовать свои иллюстрации. Странное, необъяснимое, глупое желание.

Она прекрасно понимала, что никому это не нужно. Старайся не старайся, все рефераты лягут в братскую могилу на школьном сервере. Скорее всего, доклад вообще никто не прочитает.

Но желание было непреодолимо. Она написала небольшой рассказик в картинках про жизнь тюльпана. Вот он младенец-луковица. У него трогательная улыбка и смешное для тюльпана имя – Воробышек. Почему Ника назвала его так, она и сама сказать не могла. Просто пришло в голову.

Воробышку хорошо под землей. Корни все крепче привязываются к ней. Но вот он слышит неясный позыв: что-то начинает тянуть его наверх, в неизведанный мир. Это зов весны. Росточки тюльпана тянутся сквозь землю, еще не зная, что ждет их там, где кончается земля.

А там Воробышка встречают свежий воздух, синее небо и ласковое солнце. Воробышек растет. Стебель у него небольшой. Листья желобками смотрят вверх.

Когда идет дождь, вода скатывается по листьям к стеблю и течет прямо к корню.

Вот на стебле появляется алый бутончик. Цветок распускается под яркими лучами солнца. В этот миг Воробышек абсолютно счастлив! Но... Его срезают. Приносят домой. Ставят в воду, пропитанную питательным раствором. Все надеются, что Воробышку здесь будет хорошо. Но его улыбка быстро вянет. А затем лепестки опадают один за другим.

Потому что, срезав тюльпан с земли, его лишили надежды. Отныне в его жизни все предопределено: ваза, подоконник и питательный раствор.

Но если цветок лишит надежды, он увядает. Такова природа цветка.

И человека, возможно, тоже. Ника хотела это дописать, но не стала. Потому что уже совсем получалось не по теме задания. И так реферат получился не совсем стандартным. А вдруг его действительно прочитают?

Она даже подумала, не заменить ли свою работу какой-нибудь скачанной заготовкой. Однако в последний момент поленилась и отнесла свое.

– Конечно, ты немного неправильно описала жизненные циклы тюльпана, – продолжил учитель. – Кстати, ты знаешь, что тюльпаны эфемероиды, а не эфемеры? Нет? А ведь я объяснял на уроке.

«Значит, он все-таки читает рефераты».

– Хм, ну хорошо. Ты точно сама все нарисовала?

– Сама.

– Молодец. Предмет, конечно, надо было бы тебе подучить. Эфемеры живут один сезон. А эфемероиды многолетние. Так что тюльпаны не умирают, когда, как ты написала, их лишают надежды.

«В этом тюльпаны отличаются от людей», – подумала Ника.

– Кстати, откуда такое нелепое имя для тюльпана? – Учитель суховаато улыбнулся. – Оно не к месту. Следовало бы, конечно, снизить тебе балл за лишние фантазии. Но я не стал этого делать: ты старалась, это надо ценить. Понимаешь? И ты хорошо рисуешь.

«Ему понравилось!» – Ника обрадовалась. Значит, ее рисунки могут нравиться! Может, эта странная тяга рисовать не так уж безнадежна? А вдруг он расскажет про нее мастер-учителю с большой земли? Тому, что приходил в школу в окружении железных столбов. Ах, как было бы чудесно!

Тот, над кем брал шефство мастер-учитель, практически гарантированно попадал на большую землю. Остальным выпускникам школы мало что светило. Теоретически можно было попытаться поступить в вуз самостоятельно – без рекомендации мастер-учителя. (Все вузы находились на большой земле.) Говорят, когда-то кому-то это удалось. Только чудеса на то и чудеса, чтобы случаться раз в сто лет. Не чаще.

Если бы только знать, как мастер-учитель выбирает везунчиков! Прямо подходить к нему бесполезно. Попробуй еще подступись, дроны могут и током со зла шарахнуть. А хоть и пробьешься сквозь заслон, ничего не получишь, кроме пары холодных фраз. Типа: «Скажите фамилию, посмотрю».

Только толку ноль. Ничего он не посмотрит: проверено. Не помнится, чтобы интель потом кого-то вызывал из подходивших. Зато таких ребят начинали жестко троллить школьные банды.

Попытка превращалась в пытку.

Поэтому напрашиваться в ученики интелю было опасной глупостью.

Еще пропуск на большую землю можно было получить в спорте или армии. Конкуренция там, конечно, была жесткой. Зато шансы выглядели реальными. Все спортивные звезды вышли из социального квартала.

Существовали и еще какие-то варианты попасть на большую землю. Но они по большей части относились к области городских легенд. Вроде – одна бабушка возделывала свой садик, ее заметили и забрали.

Так, может, все-таки Витек замолвит за нее словечко?!

– Я почему попросил зайти: хочу тебя попросить нарисовать иллюстрации к презентациям, – сказал учитель. – Буду признателен. Сейчас обновляю учебные материалы. Думаю, незачем скачивать чужое, когда есть такой талант в классе. Сделаешь, хорошо?

У Ники что-то оборвалось в сердце: он никогда не попросит интеля. Никогда!

7-начало.

Последние дни Март просыпался в мрачном настроении. Теперь он не задерживался у окна, а сразу шел в ванную. Затем выходил на балкон-террасу завтракать (с того дня он распорядился накрывать там).

Что-то изменилось в душе Марта. А перемены сказались и на рационе. Вместо легкомысленного рогалика подавались сосиски с яичницей и несладким чаем. Все из натуральных продуктов, естественно.

На террасе, занимавшей примерно половину плоской крыши первого этажа, был разбит зимний сад. Плетеный столик с завтраком стоял под раскидистым кустом чего-то зеленого. Фиалка, которая с некоторых пор стала ухаживать за уголком природы, пыталась как-то объяснить Марту, что где растет. Однако он даже не старался запомнить: ему было все равно.

Растет себе и растет.

«Может, еще вина надо заказывать к завтраку? – подумал Март, садясь в плетеное кресло рядом со столиком. – Жизнь пошла нервная. Бокал красного утром, возможно, не помешает».

Дом прикрывала треугольная крыша-навес, установленная на тонких столбах. Под ней была смонтирована система микроклимата, накрывавшая террасу. Поэтому, хотя зимний сад находился на открытом воздухе, в нем всегда была своя температура. Бывало, в пяти метрах шел снег, а Март в шортах и футболке пил кофе в своем зимнем саду и наблюдал, как таяли на зеленых листьях шальные снежинки, занесенные ветром.

Когда же вокруг стояла летняя жара, на террасе, наоборот, царила приятная прохлада. Как сейчас.

Март откинулся назад в кресле и посмотрел на улицу. Соседний дом стоял в нескольких сотнях метров: жители большой земли предпочитали не тесниться.

Примерно посередине между домом Марта и соседским был насыпан небольшой холм, с которого стекал искусственный ручей. Вокруг холма и на нем росли цветы и декоративные растения.

Это был экосад, разбитый Фиалкой. Так звали бабушку-садовницу, которую Март некогда высмотрел в социальном квартале. Он и добился ее перевода на большую землю. У бабушки, конечно, было какое-то настоящее имя, но его уже никто не помнил. Все звали ее Фиалкой.

Любопытно, что сама Фиалка не горела желанием переезжать на большую землю. Садовнице было хорошо и в социальном квартале: ее душа срослась с маленьким садиком, за которым она там ухаживала. Так что – редкое дело! – человека еще пришлось уговаривать покинуть пустырь (так люди большой земли порой называли социальный квартал).

Вряд ли бы Фиалка сдалась, если бы не внуки. Их пообещали отправить в школы большой земли, и это решило вопрос. Теперь Фиалка ухаживала за зимними садами нескольких жителей большой земли в округе, где жил Март. А в свободное время возделывала свой собственный сад на улице.

В целом Март был равнодушен к цветам. Его всегда удивляли восторги женщин по этому поводу. «Лалла тоже, как заведенная, заказывает тюльпаны и расставляет по всему дому. Порыться, может, в ее настройках и отключить опцию? Хотя жаль терять время. Если роботу нравится, почему нет?»

Замени в его зимнем саду один вид кустарника другим, Март бы не заметил разницы. От природы требовалось только одно: она должна быть рядом. В растениях он чувствовал дыхание жизни. Они росли и жили, какие-то жизненные соки от них неминуемо передавались человеку. «Может, сказать Фиалке, чтобы посадила какие-то ягоды? – подумал Март. – Малину или смородину. Любой сад становится лучше, когда в нем есть что сорвать».

На террасу вошла Лалла Рук и положила на стол перед Мартом свежую газету. «Что-то она сегодня как неживая», – подумал он, глядя на бесстрастное лицо спутницы.

– Как дела, милая?

– Спасибо, все хорошо. – Она натянуто – по-машинному – улыбнулась.

«Что-то на улыбках сбой какие-то пошли в последнее время. Может, в сервис сообщить? Все-таки она потеплее должна улыбаться. У меня тут трудный период, неужели нельзя как-то докрутить ее настройки, чтобы не раздражала с утра?»

Он отвернулся от Лаллы и сосредоточился на завтраке. «От женщин-роботов никакой поддержки. Была бы собака, она хоть хвостом повиляла, о ногу потерлась. С собаками хорошо. Нет, точно: надо заказывать бокал вина с утра».

Вскоре завтрак и чай смягчили его мысли. Растения шелестели листьями. Над одним из цветков приятно жужжал шмель. Утро определенно собиралось стать добрым. «Хороший у меня дом. Хороший сад. Какой сегодня план? Надо бы, кстати, к чаю десерт заказывать. В

школе пара встреч. И, кстати, буду ли вызывать на собеседование эту девочку, про которую Скучаев говорил? Сегодня могу не успеть. Вообще, стоит ли за нее браться? Непонятно...»

После просьбы Виталия Максимовича он изучил школьное досье Ники Лавиной. Ничего выдающегося, но и не безнадежно. Девочка умела мыслить сама, что уже неплохо. Пыталась включать голову, выполняя контрольные задания. А это дорогого стоит, учитывая, что в школе социального квартала учеников не особо принуждали к умственной работе.

Но для окончательного решения надо было встретиться и посмотреть в глаза человеку. «Может, сегодня? Не знаю, посмотрим». Март допил чай и взглянул на Лаллу.

– С завтрашнего дня добавляй к завтраку какой-нибудь десерт, например чизкейк, лимонный или вишневый пирог или что-то в том же духе. Хорошо?

– Уточни, пожалуйста, дорогой, что именно заказывать?

– Я же тебе объяснил.

– Чизкейк, лимонный пирог или вишневый? Что именно?

– Милая, буду очень признателен, если ты меня избавишь от твоих глупых вопросов, – медленно и с подчеркнутой сдержанностью проговорил Март.

«Это только мне идиотка досталась или у них вся партия такая? Что увижу на столе, то и захочу. Только так наши чувства и работают. Неужели непонятно, машина?.. Ладно, надо успокоиться. Она всего лишь несовершенный робот, чья программа написана несовершенными людьми».

– Запомни мои вкусы и чередуй в случайном порядке, – пояснил Март. – Поняла, машина?

– Да.

«Пожалуй, я был резок, а ей нипочем. У работа стальные нервы. А что было бы, если бы она заплакала?» Он представил крупную слезу в уголках глаз машины. «Я бы почувствовал себя свиньей, вскочил и обнял ее. Прижал бы крепко-крепко, гладил по волосам и целовал в щеки. А ведь хорошо было бы! Сам бы почувствовал очищение. Пожалуй, надо предложить прописать для женщин программу обидчивости».

Установить же роботу слезные механизмы – технически никаких проблем. Можно даже подобрать вкус, например соленые слезы, клубничные слезы, березовый сок. Всегда хорошо, когда есть выбор. «А какого вкуса слезы у настоящих женщин? Хм, интересный вопрос. Скорее всего – несладкие. Ладно, пора к делу».

7-окончание.

– Что у меня с почтой?

– Она функционирует в нормальном режиме.

«Та-ак, еще учить ее всему и учить».

– Я попросил тебя проверить почту, милая. Поняла?

– Да. – Лалла стала перечислять свежие поступления.

Одно из писем пришло от руководства СПИРТа. Сообщалось, что Институт развития личности (выполнявший в том числе функции министерства образования) объявил конкурс идей по воспитательному воздействию на трудных подростков большой земли.

– Выведи на экран, хочу прочитать еще раз, – сказал заинтересованный Март.

В глазах Лаллы сверкнул синий огонек проектора, и на столе перед Мартом вспыхнул световой экран с текстом письма. Институт планировал создать службу воспитательного сопровождения трудных подростков большой земли. Сейчас собирались предложения по формам работы с такими детьми. Март подумал, что было бы здорово, если бы ему удалось придумать что-то стоящее на этот счет.

На большой земле, несмотря на отлично выстроенную систему образования, тоже появлялись трудные подростки. Одним фактом своего существования они ломали все педагогические теории. С этим надо было что-то делать.

Авторы лучших предложений могли рассчитывать на карьерные бонусы. Например, это добавило бы очков в испытаниях на получение степени наставника. Также авторы взятых в разработку идей неминуемо получили бы руководящие посты в новой службе.

Однако возможные бонусы не были главным стимулом. Марту важнее было испытать чувство профессиональной гордости – в очередной раз, – если бы получилось. Невероятно приятно осознавать, что именно ты придумал нечто полезное и без тебя не завертели бы какие-то важные механизмы.

«Буду искать. – Март задумчиво посмотрел на садовый холм вдаль, перевел взгляд на куст рядом со столом, цветы на краю террасы, остановился взглядом на пустой чайной чашке. – У них есть в душе пустота, которую мы никак не можем заполнить. Они не сорняки, растут в заботе и внимании. Это же большая земля, а не социальный квартал. Но чего-то им не хватает, это ясно».

Сам термин «трудные подростки» Март считал не вполне точным. Это словосочетание осталось от старых времен. Хотя, если называть вещи своими именами, трудных подростков не бывает, был уверен Март. Есть дети, которых перестали слышать взрослые.

8-начало.

Он поехал в социальный квартал. По дороге продолжал думать о проблеме. Ему вспомнилась статья, прочитанная в одном из научных журналов. Исследования показывали, уверяли авторы статьи, что среди трудных подростков практически не было таких детей, которых с ранних лет сопровождал наставник. Здесь прослеживалась какая-то закономерность.

Индивидуальные воспитатели-профессионалы были очень дороги. В основном детьми занималась массовая система образования – службы развития личности. А они при общей эффективности и индивидуальных подходах упускали некоторых ребят.

В основном семьи покупали детям роботов-воспитателей. Марта, например, по сути, вырастил Оби-Ван Кеноби. Свою маму мальчик практически не видел: она работала морским биологом и постоянно пропадала в командировках на дне океана. Отца же он никогда не знал.

Именно Оби-Ван Кеноби был с Мартом всегда с первых лет жизни. Синтетический джедай водил его в кружки и на спортивные секции, рассказывал сказки на ночь, объяснял непонятное. Когда-то казалось, что у робота есть ответы на все вопросы.

«А ведь не всем так везет, родители часто ошибаются», – подумал Март. Он слышал истории, как дети нападали на своих воспитателей, били и ломали их. Вообще, многие трудные подростки начинали с издевательств над роботами.

«А могло быть причиной непопадание в образ? Допустим, девочке нужна в воспитательницы Валентина Терешкова, а ей покупают Мэри Поппинс. Понятно, что со временем они начнут ненавидеть друг друга. Точнее, она – ее. Хм, любопытно. Все думают, что что-то не так с подростками. И почему никому не приходит в голову, что что-то не так с роботами?»

Может, следовало запретить родителям самостоятельно выбирать модель воспитательного робота для ребенка? Вместо этого специалисты должны проводить исследование и выдавать рекомендации. Или следует идти в сторону большей универсализации роботов? «Однако как Оби-Ван Кеноби может перестать быть Оби-Ваном Кеноби? Особенности модели стереть не удастся. А безликие роботы не выход. Машины и дороги нам тем, что кажутся личностями. Кстати, где мой старик, что с ним стало?»

Он попытался вспомнить момент, когда Оби-Ван Кеноби ушел из его жизни. Провести четкую границу было невозможно: роль робота-воспитателя снижалась постепенно. Сначала

перестали требоваться его подсказки для решения задачек. Затем Март начал время от времени предлагать более интересные решения, чем заложенные в памяти робота. В таких случаях воспитатель иногда с иронией говорил: «У меня есть предчувствие, что ты станешь причиной моей смерти». В ответ Март запальчиво восклицал: «Не говори так, Бен, ты мне как отец!»

Робот молчал и только мудро улыбался.

Некоторые вопросы мальчика уже загоняли робота в тупик. Помнится, однажды Март спросил воспитателя: «Почему девочки такие колючие?» В ответ прозвучало что-то несуразное. Уже в средних классах с роботом стало неинтересно. Да и несолидно возиться с механическим учителем, словно ты маленький.

Как-то незаметно Оби-Ван заступил на постоянную вахту в чулане. Там он стоял вместе с той куклой девочки-одноклассницы, тайком заказанной Мартом лет в четырнадцать-пятнадцать. «Сколько же мне тогда было, в каком классе это случилось?» Он ностальгически вздохнул. Интересно, куда же они делись?

Постепенно все всплыло в памяти: учитель и девочка остались в чулане, когда он переезжал. Точно! Он просто оставил их на старом месте. Рука не поднялась отправить синтетических, но таких близких людей на переплавку. Легче было забыть друзей в кладовке.

Однако это был самообман. Брошенные хозяевами машины неминуемо отправлялись на утилизацию: переплавку или уничтожение «танцующим огоньком». Оставляя роботов, он, по сути, дал молчаливое согласие на убийство друзей. Остальное сделали автоматические санитарные службы.

Так-то.

8-окончание.

К воротам социального квартала он подъехал чуть позже охраны. Борис его уже ждал.

– Что-то ты сегодня мрачный, друг, – приветствовал он Марта. – Тебе развеяться надо.

– Все нормально.

– Я серьезно. Называй время, поедем – погоняем.

Помимо старого кино у Бориса были и другие увлечения. Например, он любил водить машины. Сам. Это занятие, такое уже устаревшее, как верховая езда, стало достаточно популярным развлечением на большой земле.

Существовали специальные автодромы, где можно было брать машины напрокат, выбирать трассы любой сложности, ездить в разных скоростных режимах. Большинство людей относились к вождению как к аттракциону. Для Бориса же вождение стало острой необходимостью. Он арендовал целую «конюшню» на стадионе (ездить по обычным дорогам на машинах, управляемых человеком, строго запрещалось). А также держал дома несколько автомобилей, допускавших возможность переключения автопилота на рулевое управление.

Однажды Март съездил с Борисом на автодром и вернулся в полном восторге. Водить машины даже лучше, чем секс!

Когда после лихой гонки он вышел из автомобиля, то почувствовал, будто пережил очищение.

Правда, завсегдаем автостадионов все равно почему-то не стал: все как-то не хватало времени.

«Надо обязательно съездить. Как-нибудь», – подумал он и сказал:

– В другой раз.

– Ну ладно, как скажешь. – Борис-Рэмбо пожал плечами и повернулся к своему авто, чтобы вызвать дронов.

Март почувствовал, что ему хочется пройтись: он любил ходить, когда накатывали мысли. А сейчас его волновали думы относительно проекта. «Понять бы, с какой стороны

зайти». – У него было ощущение, что идея с роботами, хоть и хороша, не дотягивает до ключевой. Она могла пойти довеском. Но нужно что-то, от чего можно оттолкнуться.

К тому же в машине Бориса особо в размышления не погрузишься: музыка и неон били по мозгам. Может, лучше прогуляться?

– Плохая идея – гулять по социальному кварталу, – ответил Борис в ответ на предложение.

– Не бывает плохих идей.

– Ну, как знаешь. – Он пожал плечами и вызвал всех дронов из авто.

Изредка они совершали пешие прогулки по социальному кварталу. Борис-Рэмбо всегда на это ворчал, однако вряд ли всерьез. Четыре дрона-цилиндра в полете окружили мужчин и выпустили ноги. Железные ступни коснулись земли: дроны были готовы идти.

– Ты точно этого хочешь? – с усмешкой спросил Борис-Рэмбо.

– Как никогда.

– Ну смотри. – Охранник хмыкнул и жестом заставил закрыться все двери внедорожника. Джипу предстояло следовать за их процессией.

Социальный квартал был обнесен двадцатиметровой стеной из прочной панели. Материал был тонкий для такого сооружения: не больше пятнадцати-двадцати сантиметров в толщину. Но специальные сплавы делали стену непробиваемой для оружия средней мощности. Большой прочности для охраны социального квартала и не требовалось.

Стена была напичкана датчиками и защитными системами. Специальные технологии делали стену невидимой на расстоянии дальше пятнадцати метров.

Правительство большой земли не хотело, чтобы стена портила пейзаж. Местами она была прозрачной, а местами создавала идиллические виды, вписанные в общую картину местности. Открывалась она только тем, кто подходил близко.

Марта всегда впечатлял момент подхода к стене, когда равнина с зеленым лугом и стройными рядами коттеджей, начинавшимися за ним, вдруг словно растворялась в воздухе. А на землю словно обрушивалась стена.

Иногда Марту даже казалось, что он слышал металлический скрежет, с которым опускался железный занавес.

Они остановились перед железными воротами. Март поднял голову и посмотрел на стену снизу вверх. Он увидел вальжные облака, проплывавшие над ней. Тень от них медленно ползла вниз по стене. «Тень словно поедает стену», – подумалось Марту.

В это время охранная система просканировала визитеров, и ворота с тревожным лязгом (чистейший пронзительный звук – еще одна специальная опция) открылись.

На пропускном пункте дежурили автоматические системы. Однако где-то в командном центре всем управлял невидимый отсюда человек: именно он принимал решения в серьезных случаях.

Март подумал: не исключено, что невидимый страж сейчас смотрит на них, и почему бы его тогда не поприветствовать? Он улыбнулся и помахал рукой, глядя на одну из раскрывшихся створок.

– С ума сошел? – Борис-Рэмбо покосился на спутника. – С воротами уже разговариваешь?

– Только здороваюсь.

– Ну да, большая разница.

– Стена умнее, чем тебе кажется.

– Ну, может быть. – Борис-Рэмбо усмехнулся, Март – за ним.

Затем вся компания – два человека, четыре дрона и джип позади всех – двинулась вперед. В социальный квартал.

Сразу за воротами начинался коридор из металлической сетки. С той стороны вдоль стены тянулись еще защитные сооружения, создававшие зону безопасности на полсотни метров в глубину. Коридор был проходом между этими заграждениями.

По пути пришлось пройти через несколько железных калиток, закрывавших проход. Они со скрежетом открывались, когда люди или механизмы приближались к ним на три-четыре шага. Если, конечно, люди или механизмы имели право пройти сквозь них.

Когда открылась последняя калитка, компания увидела тропинку, тянувшуюся через луг к окраинам жилых кварталов.

– Еще не поздно сесть в машину, – бросил через плечо Борис.

– Поздно. – Март почувствовал запах свежескошенной травы. Идти навстречу опасностям социального квартала – вот что сейчас действительно нужно! «Надеюсь, нас сегодня не убьют». – Он внутренне усмехнулся, чувствуя, как начинает играть кровь. Разумный риск только добавлял остроты ощущений.

9.

Социальный квартал появился после того, как большинство людей на земле остались не у дел. Машины взяли на себя всю рутинную работу. А к иной деятельности широкие массы оказались не приспособлены.

Каждому в детстве хотелось интересной и уникальной жизни. Но обществом стала управлять идея, что планета не выдержит миллионов счастливых людей, идущих своей дорогой. Старшие твердили молодежи: не могут быть поэтами, артистами, начальниками абсолютно все. Кто-то должен кормить народ. Кому-то следует убирать за человечеством мусор.

Детей не учили мечтать.

Высокая культура оставалась привилегией (чужацеством) богатых. Наука – пристанищем избранных чудаков. Уделом основной массы людей был каторжный труд на нелюбимой работе.

А однажды все изменилось.

Пришли умные машины. Они сняли с человечества ярмо. Черной, нудной, изматывающей работы не стало.

Людям оставалось только распорядиться свалившимся на них счастьем.

Наверное, только везение спасло человечество от того, что победа технологий не закончилась большой войной.

Ведь без черной работы многие люди не знали, как прожить. А выжить хотелось всем.

К счастью, власть захватили умники, в основном бывшие ботаники. Веками детство ботаника было тяжким испытанием. В школах и дворах торжествовало звериное право силы. Физической силы. Королями детского мира становились крепкие неучи. Они приходили в школу, кажется, только для того, чтобы покурить в туалете, выбить из карманов малышей и ботаников материнские копейки или поездить верхом на безобидных отличниках. Неучи не подозревали – у них не хватало ума для этого, – что, по сути, выполняли черную и подлую работу для взрослого мира: оставляли синяки на всю жизнь в душах ботаников.

Многие умники потом до самой смерти не могли расправить плеч.

Неучи, правда, тоже ничего не выигрывали. Во взрослой жизни бывшие дворовые авторитеты, двоечники с литыми плечами превращались в пустых и никчемных людишек. Живущих пустой и никчемной жизнью.

Шанс пробиться на социальные вершины (богатство, высокие посты, уважение современников) в прежние времена был, скорее, у середняков, не отличавшихся ни умом, ни жестокостью. Но хорошо знавших жизнь.

Смена власти в новую эпоху произошла естественным путем: только ботаники знали, что теперь делать. Именно они стали управлять машинами, потому что машина без человеческого интеллекта просто набор железа и пластика.

Возник серьезный риск, что ботаники устроят геноцид «лишних людей».

Такие идеи действительно витали. У ботаников появился шанс отомстить за вековые унижения. Многим из них тяжело было устоять перед соблазном вендетты. Но у разумных людей, как правило, доброе и отходчивое сердце. Гуманность взяла верх (не без сомнений, правда). «Лишних людей» стали вытеснять на обочину жизни экономическими методами. Нет работы, нет денег – поезжай в социальный квартал.

Процесс шел постепенно, поначалу без явного принуждения. «Лишним людям» становилось не по карману жить рядом с теми, кто нашел себя в дивном новом мире. Бедные стали концентрироваться в определенных районах. Правительство подспудно управляло этим процессом: строило специальное жилье для безработных, открывало в бедных кварталах бесплатные пункты выдачи продуктов, начало выплачивать копейные пособия проживавшим там.

Неприкаянный народ потянулся в отведенные правительством зоны. Что еще оставалось делать? Когда социальные кварталы сформировались окончательно, их обнесли стеной – в целях безопасности. А полицейские силы переловили на большой земле оставшихся маргиналов и уже насильно переселили в зону призрения.

Железный занавес окончательно разделил человечество.

Кормили жителей социального квартала биомассой, которой в домашних 3D-печах придавался пристойный вид. Состав синтетической пищи лучше было не знать. Ее выдавали пачками на специальных пунктах раздачи.

Всем жителям начислялось мизерное пособие. Также человек мог подрабатывать, если удавалось найти занятие.

Ботаники-интеллектуалы, получившие власть над миром, считали, что неплохо все устроили.

10.

– Не нагулялся еще? Можно сесть в машину.

– Отпусти ее: давай срежем путь. – Март показал на дорожку между домами, уводившую от главной трассы во дворы.

Машина там бы не прошла. Дальше дорога превращалась в тропинку и вела через непроезжие места, огибала озеро, петляла по пустырю. Именно эта тропинка однажды привела Марта к саду Фиалки.

– Безопасней держаться рядом с транспортом, – медленно проговорил Борис-Рэмбо.

– Безопасней – не спорить с начальством. А начальство сейчас – это я.

Борис-Рэмбо вздохнул:

– Вот за что я тебя не люблю, так это за все.

– Шагай-шагай, солдат! Я не полимерная девушка, чтобы меня любить.

– Ха!

Они, не сговариваясь, подумали, что сегодня хороший день и хорошая компания. Борис жестом отправил автомобиль на автопилоте в школу.

По большому счету им вряд ли что грозило. Против дронов у хулиганов не было шансов.

Во время прогулок Март каждый раз старался хоть немного менять маршрут, чтобы захватить еще часть неизведанного квартала. Изучить территорию можно лишь в том случае, когда прошел ее пешком. А Март считал, что должен ходить теми же тропами и дышать тем же воздухом, что и его ученики. Хотя бы изредка. Дабы лучше понимать их.

Серьезных инцидентов не случалось. Лишь пару раз местные хулиганы подходили достаточно близко и выкрикивали какие-то оскорбления. Март с Борисом проходили мимо с безразличным видом, будто и не замечали.

Зато во время пеших прогулок хорошо думалось. Он часто вспоминал, как в детстве подолгу бродил с Оби-Ваном Кеноби по аллеям Сокольников, беседовал, размышлял. Тогда Март еще не знал, как ему на самом деле дороги эти минуты.

Как-то он спросил воспитателя, почему нельзя жить вечно. «Все умирает. Даже звезды сгорают», – ответил автомат-наставник. А к его лбу в тот миг припечатался желтый листок березы.

И они пошли дальше, обдумывая сказанное.

А сейчас ярко светило солнце. Старик Оби-Ван давно сгорел в «танцующем огоньке». Но жизнь продолжается.

Нет, похоже, робот был не совсем прав: наши привычки не умирают.

Всегда есть что-то настоящее, что сидит в нас. Только оно и останется, когда все умрет и даже звезды сгорят. Потому-то только оно и имеет значение.

Прогулки с Оби-Ваном, шуршание осенних листьев под ногами, вопросы и мечты – все было тем самым настоящим, что и делает нашу жизнь особенной. «Трудные подростки потому и трудны, что не могут отыскать свое настоящее настоящее, – подумал Март. – Как бы помочь им это сделать? Как разбудить в них живое?»

Не обращая внимания на неодобрительное хмыканье Бориса, он взял левее озера. Добавил в маршрут новизны. Они прошли по краешку дорогого района. Здесь, как знал Март, жила местная верхушка. Затем тропинка резко отклонилась от фешенебельных заборов и вывела к заросшим бурьяном сараям.

Борис-Рэмбо напрягся, но ничего не сказал.

Один из дронов взлетел на полминуты, чтобы изучить окрестность.

Вроде все тихо.

Стены сараев были исписаны граффити – вернейшим признаком убогости ландшафта. Вокруг валялся мусор. Кусты покрыты пылью.

– Любишь ты экзотику, как я погляжу, – проворчал Борис.

– А ты нет?

– Я – нет!

Тропинка провела сквозь ряды сараев, вывела к задворкам заброшенного на вид трехэтажного здания, а потом влилась в общую дорогу.

– Если нагулялся, можно вызвать машину, – сказал Борис-Рэмбо. – Давно уже ходим.

– Устал?

– Нет.

– Тогда идем.

Март получал удовольствие от прогулки, и ему не хотелось прерывать ее. Новые места, новые мысли. Какое счастье, подумалось, что он живет в это удивительное время!

Время, словно специально созданное для него.

Однако через какое-то время атмосфера вокруг сгустилась. Борис-Рэмбо прижал палец к уху: верный знак, что туда шла какая-то важная информация из вживленного микропередатчика. Март продолжал спокойно идти дальше: надо будет – Борис сам скажет, что происходит.

Если, конечно, что-то происходит.

Впереди из-за поворота выехал микроавтобус. Старая модель, управляемая человеком. Вообще, в социальном квартале было не так много автомобилей с автопилотом. Из люка на крыше микроавтобуса высунулись двое загорелых парней. По виду – типичные бандиты.

– Напомни: на какое место ты искал приключений? – спокойно спросил Борис-Рэмбо, убрав палец от уха.

– Что, и вправду запахло жареным?

– А ты сам как думаешь?

Позади послышался шум. Март оглянулся и увидел еще один микроавтобус.

– Да, у нас будут проблемы, – сказал Борис-Рэмбо.

– У тебя.

– У нас.

Микроавтобус впереди резко повернулся и остановился, перегородив им дорогу. Машина позади сделала то же самое, перекрыв путь отступления. По сторонам дороги показались мрачные фигуры.

– Разобраться с ними – твоя задача, – весело произнес Март, сделав ударение на слове «твоя». – Так что это твои проблемы. Не впутывай меня в свои дела.

Из микроавтобусов высыпали бандиты – молодые парни в майках, державшие в руках биты, длинные топоры и старые огнестрельные ружья.

– Если что-то пойдет не так, ты сможешь умереть как мужчина? – бросил через плечо Борис-Рэмбо.

– Нет!

– Хм... Плохо...

Шутка позабавила Марта. Ему было жутко интересно все, что происходило вокруг. В собственной безопасности сомнений не возникало. Он чувствовал себя как на экскурсии в национальном парке, когда к защищенным машинам подходят медведи.

– Ты не самый легкий клиент, знаешь это? – сосредоточенно произнес Борис-Рэмбо, осматриваясь вокруг.

– Ты уж постарайся меня спасти, тебе зачтется.

– Ну, спасибо, – хмыкнул он.

– Эй, интели, вы не ошиблись дорогой? – крикнул выступивший вперед толстяк с блестящей цепью на шее.

– Слышал? Он назвал тебя интелем. Я бы на твоём месте обиделся, – шепнул Борис-Рэмбо Март.

– Сейчас может быть жарко. Возьмешь мою бандану? – Борис посмотрел на него.

Бандана была сделана из защитного материала и могла спасти голову при серьезном ударе, например, камнем или битой.

– Сейчас твоя голова важнее, – ответил Март.

– Пожалуй, соглашусь.

Неожиданно толстяк схватился за голову, качнулся и упал. Март не сразу догадался, что его ударило ультразвуком из нелетального (то есть не убивающего) оружия одного из дронов.

Гангстеры угрожающе заорали. Со всех сторон в группу гостей с большой земли полетели камни. Однако каждый из них ударялся о невидимую преграду, вокруг него вспыхивали искры, и булыжник падал на землю. Казалось, что камни высекали искры из воздуха. Но это генераторы силового поля, установленные на дронах, создавали на миг защитный электромагнитный импульс перед каждым летящим объектом.

Несколько бандитов вскрикнули и выронили ружья: в стволах взорвались патроны. Заряды воспламенились от сигнала, направленного дронами.

Бой разгорался. Несколько гангстеров попытались приблизиться, но их срезало ультразвуком.

Хотя на дронах было установлено и летальное оружие, оно предназначалось лишь на самый крайний случай. Убивать уличных хулиганов во время обычных стычек было нежелательно: это грозило потом большими волнениями в социальном квартале.

Борис-Рэмбо увлеченно руководил сражением. Перед его глазами мелькали синие огоньки. Это была видимая только ему информация с видеодатчиков дронов, а также всех камер поблизости, к которым смогли дроны подключиться.

Дроны тоже преобразились: на их телах словно выросли многочисленные трубочки разной величины и дополнительные руки. Машины действовали согласно заложенной программе: большинство целей поражались в автоматическом режиме. Борис-Рэмбо контролировал общий ход боя, перенаправлял, если надо, огонь дронов, намечал цели, менял стратегии и так далее.

«Сколько в нем огня, – подметил Март, видя решительный блеск его глаз. – Настоящий воин». В тот момент Борис-Рэмбо жил этим боем, и жил на полную катушку. «Средний режим. Полминуты вправо. Разряд!» – сыпал он отрывистыми командами. «Пелена. Сдвиг плюс три градуса». «Звук. Объект двенадцать. Срежь». Его руки резкими отточенными движениями дистанционно подправляли дронов.

Телохранитель будто вырос и расширился в плечах – столько в нем чувствовалось живой силы.

Вдруг рядом с головой Марта пронеслась тяжелая тень. Он даже не успел сообразить, что произошло. Но заметил, как на миг помрачнело лицо Бориса-Рэмбо. Резким движением руки телохранитель поднял в воздух одного из дронов.

Машина с воем распылила оранжевый аэрозоль на нападавших с той стороны, откуда прилетела тень. Бандиты с криками бросились врассыпную. «Жги!» – крикнул Борис-Рэмбо. Аэрозоль вспыхнул. На несколько секунд бандитов, попавших в зону поражения, накрыло гремящее оранжевое облако.

Это было «Оранжевое настроение» – несмертельное оружие повышенной убойности. Распыленный аэрозоль во время детонации оглушал, обжигал и ослеплял. Человек надолго терял способность соображать и что-то делать. Но предполагалось, что он не умрет. Хотя такая вероятность не исключалась.

Еще от «настроения» могли остаться ожоги, иногда даже на всю жизнь. А также выжженные брови и подпаленные волосы.

Когда облако рассеялось, стало видно пораженных бандитов. Они словно были покрыты оранжевой пылью. Некоторые гангстеры лежали на земле. Кто-то бездвижно, кто-то шевелился. Несколько человек стояли, схватившись за голову. Иные бродили, перешагивая через товарищей, словно сомнамбулы.

А дроны тем временем открыли огонь из электрошоковых пушек по другим сторонам. Гангстеры пятились назад, прикрывая лицо.

Борис-Рэмбо был так же спокоен и решителен, но выражение лица стало еще тверже. «Вот кого надо ставить наставником к трудным подросткам, – вдруг подумал Март. – Пусть хлебнут экстрима».

С неба стремительно нарастал вой: на низком полете над ними прошли пять больших крылатых дронов, высланных на подмогу службой безопасности социального квартала. «Волна!» – резко сказал Борис-Рэмбо. Тут же дроны выбросили снопы синего света, и синее свечение, опустившись, волной прошло по бандитам.

Нападавшие падали, схватившись кто за горло, кто за грудь. Это была «Синяя волна» – импульс, сбивающий работу сердца и перекрывающий дыхание. Попавший в зону поражения человек не может ни двигаться, ни дышать. Когда синий свет рассеивается, дыхание восстанавливается, сердце отпускает, но пораженному надо еще какое-то время, чтобы прийти в себя.

Все было кончено. Небольшая встряска и предсказуемая победа. Через несколько секунд, когда синий свет растает, можно идти дальше. Март почувствовал просветление: кажется, во время боя он понял нечто важное.

В работе с трудными подростками большой земли педагогические службы допускали системную ошибку, пришло к нему озарение. Страшнейшую ошибку!

Априори считалось, что службы развития личности должны пробудить в ребенке большой земли какие-то интеллектуальные способности. Страсть к наукам. Тягу к поэзии. Музыкальный дар. И прочее.

Будто мечтателями не рождаются, а становятся.

Но даже у интеллей порой рождались дети с аллергией к поэзии.

Потому что человек – существо незапрограммированное.

Этим детям требовалось нечто такое, чего не могли дать ни родители-интеллектуалы, ни интеллектуалы-учителя, ни роботы, настроенные интеллектуалами. «Как же мы могли не замечать этого?! Да вот так! Мы, интели, слишком ослеплены сиянием разума. Привыкли считать себя нормой. А мы – только половина нормы. И не факт, что лучшая...»

– Жив? – спросил Борис-Рэмбо. После боя он выглядел задумчивым и немного уставшим.

– Вроде.

– Идем.

Крылатые дроны администрации квартала остались их сопровождать. Процессия тронулась вперед, обойдя корчившихся бандитов и искрящийся микроавтобус (их машинам тоже досталось в схватке). Март шел, продолжая возбужденно думать. «Мы не можем убить в себе наше биологическое начало, нашу животную суть! Изначально в каждом сидят агрессия и страх. Кому-то удастся перенаправить свою агрессию на науки, искусство, прочую интеллектуальную дребедень. Кому-то... Стоп! Ты сказал: дребедень? Март!!! Ты сказал – интеллектуальная дребедень?!»

Он усмехнулся. «Один бой, и в тебе проснулся гопник из социального квартала. Это что, заразно? Ха!»

– Что смешного? – поинтересовался Борис-Рэмбо.

– Да так, ничего. Лучше скажи, что ты имел в виду под «умереть как мужчина».

– Когда нет возможности умереть быстро, мужчина должен умереть стойко.

– Да? Понятно.

«Хм. Он готов еще и еще вступать в схватки. В этом его суть. В нем есть то, чего не хватает интелям: животный драйв. Умереть как мужчина? Наверно, смогу. Ничего сложного. Мы тоже бойцы, хоть работаем в умственных сферах».

Но именно такие подростки, кому нужна живая схватка, и выпадают из системы воспитания на большой земле. Как быть тем, кто жаждет настоящего боя?

Единственный талант, который не могут раскрыть на большой земле, это талант бунтаря.

«Мы душим любую такую возможность. Загружаем физкультурой, но не даем заняться большим спортом – спортом сражений и побед. Позволяем иногда играть в военные игры. Но не поощряем военной службы по-настоящему. Мол, это занятие только для выходцев из социального квартала. Будто проливать кровь врагов – это дикое ретро. Мы погрязли в своем интеллектуальном снобизме! Мы слепы, Март! Слепы и глухи. Не все в жизни крутится вокруг науки и поэзии. Человеком человека делают мозги, это правда. Но живым человека делают инстинкты. Самые низменные животные инстинкты. Потому что нельзя оторвать человека от его животного начала!»

Он начал мысленно набрасывать проект. Сеть военно-спортивных лагерей. Можно на большой земле. Можно в социальном квартале. Даже лучше в социальном квартале. «Пусть ребята хлебнут воздуха пустыря!» Наставниками должны быть такие, как Борис. Бывшие военные. Или бывшие профессиональные спортсмены. Обязательно – только выходцы из социального квартала.

Перевоспитывать хулиганов должны хулиганы, сумевшие повзрослеть.

«А может, такие, как Борис, родились не в своем времени?»

Вот и чувствуют себя неловко в царстве спокойного интеллекта.

– Хорошо погуляли, спасибо, что вытащил, – сказал Борис-Рэмбо, когда до школы оставалось рукой подать. – Надо как-нибудь повторить. А то я размяк, теряю хватку. Грубо отработал, можно было сделать все изящней. Да, кстати, в следующий раз надо взять вторую бандану – для тебя.

– Зачем?

– Для безопасности. Они же тебя чуть не убили. Возьми чуть правее, и все – я без работы.

Марта прошиб холодный пот. Камень! Он ясно осознал, что промелькнувшая тень была камнем. Смерть буквально просвистела в нескольких сантиметрах рядом.

– Но... как они пробили защиту?

– Придумали новую тактику. Собственно, почему они на нас и напали: хотели проверить новый прием.

– Про... э... верить? – Язык словно потерял гибкость и перестал слушаться Марта.

– Да, проверить. Понимаешь, война дело творческое. Мы придумываем защиту. Они придумывают, как ее преодолеть. – Борис-Рэмбо говорил с усталым спокойствием, без привычной иронии, и потому не был похож на себя обычного.

Видимо, еще не отошел окончательно от боя.

– Потом сходимся и посмотрим, кто кого перехитрит. В этот раз им почти удалось поймать меня. Нас. Э-э, тебя.

Похоже, его задела не сама схватка, а пропущенный камень. Удар пришелся по профессиональному самолюбию.

– Я, конечно, пижонил, – рассуждал он, мысленно прокручивая свой промах и анализируя, чтобы извлечь урок. – Но не настолько, чтобы пропустить плюху. А я ее пропустил. Сейчас буду думать, что изменить в своей тактике. Добавлю каких-то систем дронам. И надо доложить в службу безопасности о новом приеме. Хорошо, что мы ограничиваем им доступ к технологиям, а то были бы большие проблемы.

Марту захотелось побыстрее дойти до школы и спрятаться в безопасную тишь офиса. Но он сдержал себя, стараясь не показывать виду. Чтобы отвлечься от навязчивых воспоминаний о камне, Март заставлял себя думать над новым проектом. Вот сейчас они дойдут до школы, и надо сразу же писать обоснование.

Сразу же!

Скорей бы дойти...

Так и начать: «Помещение трудных подростков в стрессовую ситуацию может оказать благотворное воспитательное воздействие». Сухо, но ничего.

Что ж так долго тянутся метры?!

Камнем летящая смерть. Смерть обратилась в камень. Нет-нет: «Под управлением людей, прошедших суровую школу жизни (социальный квартал, армия и боевые действия, большой спорт), подростки смогут перенаправить накопившуюся в них негативную энергию на преодоление экстремальных ситуаций. Освобожденный от давления негативной энергии разум подростка сможет выработать приемлемые обществом жизненные ценности и ясные ориентиры». Не пойдет. Заумно и казенно. Смысл размывается. Надо четче выразить мысль.

Все-таки ужасная была идея – гулять по социальному кварталу...

11-начало.

Ника боялась потерять сознание от волнения. На школьный браслет пришло сообщение: мастер-учитель ждет ее. Для собеседования. В таком-то часу. Ой.

Неужели правда?!

Она несколько раз прослушала послание. Вдруг ошибка. Не показалось ли? Нет, все точно. Именно ее. Именно мастер-учитель.

Надо идти.

Нет-нет, надо бежать со всех ног!

Нет, надо идти спокойно.

Она появилась в приемной на десять минут раньше. Хотя собиралась явиться минута в минуту. «Наверное, лучше прийти точно. Он должен любить точность. В любом случае лучше быть точной», – рассуждала Ника. Но холодеющие ноги сами несли в представительство Службы поиска и развития талантов раньше графика.

Может, постоять рядом в коридоре? Походить вокруг, подождать, пока придет время.

Да, лучше подождать.

Нет, лучше не светиться.

Как только дверь приемной открылась, на Нику уставились красные датчики дронов. Серебряные столбы вопросительно склонились к ней. Она сделала шаг вперед. Потом еще шаг, и еще. Дроны не шевелились и продолжали ее разглядывать. «Может, надо что-то им сказать?»

Дроны с легким жужжанием отклонились от нее, позволяя пройти.

«Вообще, вы знаете, со временем телевидение перевернет жизнь всего человечества, – услышала Ника голоса с настенного экрана: показывался какой-то старый-старый фильм. – Ничего не будет. Ни кино, ни театра, ни книг, ни газет, одно сплошное телевидение».

«Какая ерунда, – подумалось ей, – зачем смотреть такие древние фильмы? Кому это интересно?»

«– Ну, это вы что-то разгорячились, – продолжался разговор на экране. – Театр, тут я согласен, действительно скоро отомрет, но книги, кино?»

– А вот вы вспомните мои слова через двадцать лет!»

Напротив экрана сидел, развалившись, начальник охраны (Ника не раз видела его в коридоре с мастер-учителем). Он не обратил на нее никакого внимания. Зато воинственный мужчина-татуировка на крупном бицепсе пристально посмотрел на Нику и нацелил на нее свой пулемет.

«Жуть просто». – Она задержала взгляд на «живом» рисунке. Воин с голым торсом держал пулемет наперевес. На согнутой в предплечье мускулистой руке лежала пулеметная лента. Но самым страшным в нем были глаза – глаза уставшего убийцы. От них бросало в холод.

Ника почувствовала, что уличные бандиты по сравнению с ним были глупыми щенками. Шаг. Еще шаг. Только бы не споткнуться на ровном месте.

Нарисованный воин сопровождал ее взглядом, продолжая держать на прицеле игрушечного пулемета. Начальник же охраны так и сидел, уткнувшись в экран.

«Прошла. Только бы не врезаться в стену». Ника остановилась перед панелью возле дверей кабинета мастер-учителя. Охранник, дроны и нарисованный воин остались за спиной.

– Я Ника Лавина, пришла на собеседование, – отчетливо сказала она, глядя в панель.

«Интересно, я говорю с программой-секретарем или сразу с ним?» От мысли, что ее уже прямо сейчас мог видеть и слышать мастер-учитель, мурашки побежали по коже. Инстинктивным движением Ника провела по своим волосам, поправила прическу. В этот момент двери начали открываться.

– Входите, – произнес теплый голос.

Это был человеческий голос. Ника как-то сразу поняла, что голос не мог принадлежать ни программе-секретарю, ни кому-то другому, а только ему. Загадочному мастер-учителю. Тому самому человеку, кто мог вытащить ее из этого мира.

Однако у нее не успело даже замереть сердце, как преграды исчезли. В этот момент ей показалось, что не двери открылись, а прямо в стене выросла большая белая комната. От нее

веяло стерильной чистотой. Казалось, пересечешь порог – и попадешь в зону оглушающей тишины.

В центре кабинета стоял маленький стол, и за ним сидел человек. А вокруг – ничего. Совсем ничего. «Как на вершине горы», – подумалось вдруг Нике.

Человек жестом пригласил подойти.

– Присаживайся.

Ника осторожно переступила порог и прошла по белому полу. От стен и пола будто веяло холодом; впрочем, это было иллюзией. Ника подошла и села на стул напротив мастер-учителя. Спинка сразу же подстроилась под нее, откуда-то выросли подлокотники. Стало очень удобно. Система комфорта сидения здесь была намного лучше, чем в школьных стульях.

Мастер-учитель пристально посмотрел на нее. Ника отметила, что у него светло-русые волосы и серо-зеленые глаза. «Надо что-то сказать? Или промолчать?» Она сжала пальцами подлокотники. «Он что-то ждет? Чего он ждет?!»... Она отвела взор, но на несколько секунд выдержала молчаливую паузу. Учитель продолжал изучающе рассматривать ее.

– Здравствуйте, – тихо произнесла Ника.

– Здравствуй, – твердым голосом ответил он. – Меня зовут Март Григорьевич. Знаешь, чем я занимаюсь?

– Э-э... Да... Знаю.

– Чем?

– Э-э... Поиском талантов... Да?

– И развитием. В первую очередь – развитием учеников. К примеру, скажи: чего ты ждешь от жизни?

– А-а... Что? – Ника вопросительно посмотрела на него.

«Чего он от меня хочет? Как лучше ответить?»

– Чего бы ты хотела?

– Я? Э-э... Знаете... Я бы хотела...

«Что бы ему сказать? Какой ответ ему нужен? Ой, только бы не ляпнуть лишнее...»

– Я бы хотела рисовать. Мне нравится рисовать, – сказала она и почувствовала облегчение.

Так бывает, когда чего-то боишься, оно случается, и становится уже не страшно. Ведь бояться и поздно, и глупо: все уже произошло.

– Что рисовать?

– Все! – И она стала рассказывать.

Более того, ей захотелось рассказывать! Будто прорвало какую-то плотину в душе.

Отчего-то ей стало ясно (точнее, ей показалось), что ему можно рассказывать подробно. Это было странное ощущение: впервые кто-то ее внимательно слушал. В большинстве своем окружающие предпочитали говорить. Особенно взрослые. И особенно учителя.

Если же преподаватели спрашивали, то ждали определенных ответов. Чужие мысли, заданные шаблоны, избитые формулы, все что угодно. Но ни шага в сторону.

А здесь взрослый человек – не просто взрослый, даже учитель! – не припечатывал ее своим мнением, но ждал от нее собственных слов.

Это удивляло и немного сбивало с толку.

Ника назвала электронный адрес, где можно посмотреть ее рисунки. Март Григорьевич включил экран: над столом вспыхнул световой прямоугольник. Тут же на нем появились рисунки Ники. Она увидела – экран, имеющий улучшенное визуальное расширение, это особо подчеркивал, – что некоторых рисунков стоило бы постесняться. Но уже было поздно.

Она рассказывала и показывала. Он не комментировал, только иногда кивал или говорил что-то односложное. Например, «да», «ясно», «вижу».

В какой-то момент она почувствовала, что пора остановиться. Ей показалась, будто в его глазах появилось второе дно. Словно он был и здесь и не здесь одновременно.

Ой...

– И-и? Продолжай, – сказал он, когда Ника вдруг замолчала на полуслове.

– Но это как бы все, – неуверенно произнесла она. – Я, в принципе, все рассказала.

– Понятно. – Он задумчиво помолчал, рассматривая на экране оставшийся рисунок Ники.

«О чем он сейчас думает? О чем? Надо было подобрать рисунки. Да, подготовиться заранее. Как же обидно все получилось! Зря я все подряд показывала. Нельзя было все показывать. Ой, он что-то хочет сказать. Началось. Кажется, началось...»

– Ты рисуешь только на компьютере? Или настоящими красками тоже?

Она не сразу поняла, что он имел в виду под «настоящими красками». Разве электронные – не настоящие? Какие же еще бывают краски?

– Обычными красками: масляными, гуашью, прочими, – уточнил Март Григорьевич, увидев замешательство Ники.

«Разве кто-то рисует обычными красками? У нас же не каменный век».

– Нет, только электронными.

– Попробуй обычными. Настоящими.

– Хорошо. – Она кивнула.

Не стоит спорить: советы можно пропускать мимо ушей.

– Сколько оттенков каждого цвета в цветовом редакторе? – спросил он.

– Зависит от редактора. Около двухсот с половиной. Но я слышала, есть редакторы, где число оттенков доходит до трехсот и даже четырехсот.

– Да, это много. Вроде бы. Обычными красками ты не смешаешь столько, – его голос звучал мягко и рассудительно, – но настоящими красками ты сможешь найти оттенок, которого никогда не найдешь в цветовом редакторе. И это будет живой цвет. Попробуй настоящие краски. Живое должно работать с живым.

– Хорошо. – Она кивнула, хотя не очень поняла смысл и не очень поверила.

– Кстати, тебе нравится мой кабинет? – На его лице впервые за время разговора мелькнула улыбка. Она была сдержанной, а лицо при этом оставалось серьезным.

– Да, очень нравится, – ответила Ника.

– А честно?

– Нет, не очень.

– Почему?

– Здесь пусто и как-то холодно.

– Отлично. Попробуй нарисовать мне интерьер.

Он сделал движение ладонью, и перед Никой на столе загорелся интерфейс.

– Какой?

– Придумай сама.

– Какой стиль вам больше нравится?

– Задаешь много вопросов. – Он нахмурился. – Любой стиль. И не обязательно комната. Это может быть любое место встречи. Подбери нам какой-нибудь пейзаж. Давай.

Ника огляделась. Холод и пустота – вот что царило в этой комнате. И еще кабинет переполняло одиночество. Только это было совсем другое одиночество, не такое, как в школьных коридорах. Оно не душило. Это было белое и гордое одиночество, которое, может быть, скапливается на вершинах гор.

Внезапно Ника поняла, что нужно делать. Несколько взмахов руки, и ножки учительского стола погрузились в снег на вершине горы. Стены будто исчезли, и вокруг открылась безбрежная синева. Только ниже вершины стелились облака.

«Это гора Килиманджаро», – пришло в голову Нике. Она не могла вспомнить, откуда знает это название и вообще в какой части света находится эта гора. Но они сидели на вершине Килиманджаро, никаких сомнений.

– Интересно. – Март Григорьевич посмотрел по сторонам и повторил: – Интересно.

«Чего-то не хватает», – подумалось Нике. Она сделала несколько быстрых движений рукой, и над вершиной стала кружить чайка.

– Чайка? Над горой? – удивленно сказал Март Григорьевич. – Ты уверена?

– Да.

– Давай попробуем так. – Он сделал пару взмахов, и вместо чайки появился альбатрос. – Хотя бы так. Буревестник. Что скажешь?

– Нет. – Ника взмахом руки вернула все обратно.

Ей захотелось, чтобы над горой кружила именно чайка. Альбатрос здесь показался слишком банальным. У нее в голове даже вспыхнуло имя чайки: Джонатан Ливингстон. Откуда оно взялось, непонятно. Раньше она никогда не слышала этого имени. По крайней мере, ничего такого не вспоминалось. Но все-таки чайку звали именно Джонатан Ливингстон, и не иначе.

Только затем она вдруг осознала, что учитель, внося свои поправки, спрашивал ее мнение, а она даже поспорила. Это было настолько необычно, что Ника не успела понять, хорошо это или плохо.

– Хорошо, – сказал Март Григорьевич, – вот что мы дальше сделаем. Сейчас обсуждается проект создания летающих домов. Попробуй нарисовать, какими бы ты их видела. Не только сами дома, но как они впишутся в пространство. Каким должен быть этот дом, и так далее. Поняла?

– Да. – У Ники пересохло в горле.

– Договорились. Мой сетевой адрес теперь у тебя есть. Как будешь готова, пиши. Встретимся, обсудим.

– А когда сдавать?

Учитель поморщился, так что у Ники екнуло сердце.

– Как сделаешь, так приходи, – сказал он. – Две-три недели: как пойдет дело. Только проработай все тщательно.

– Хорошо. Спасибо. До свидания.

Она не помнила, как вышла из кабинета, не понимала, как удалось по пути на выход не упасть, ничего не зацепить. Не помнила также, сказала «до свидания» охране в приемной или нет. И не понимала, надо ли было говорить им «до свидания» или лучше было не отвлекать. Она вообще ничего не понимала!

«Так я прошла или нет?!» – Ника прижалась к стене в углу под лестницей, где ее никто не мог видеть. Ее щеки горели. Голова плыла.

«Кажется, я ему не понравилась». – Она увидела хмурое лицо Марта Григорьевича. Почти все время беседы оно оставалось бесстрастным, трудно было разглядеть его чувства. Но несколько раз он нахмурился. Да! Он хмурился, что-то было не так. И это выглядело как приговор.

«Ой, я, по-моему, не прошла».

Она сделала глубокий вздох.

«Похоже, да, не прошла... Но я все равно сделаю».

Только сначала надо спрятаться в более укромном месте и хорошо выплакаться.

11-окончание.

На самом деле Марту понравилась беседа с Никой. Девочка совершенно точно была его контингент. Странно даже, что он раньше ее не заметил. Интересно, где система дала сбой?

Систему своей работы он выстраивал сам и, похоже, где-то допустил ошибку в расчетах. «Хотя, по большому счету, ведь ты и не рассчитывал, что удастся зацепить всех».

Мысль не успокоила: он вспомнил Дмитрия, и невидимая рука сжала его горло.

Вот сюда – на этот стол – положили браслет мальчика в тот самый день.

Бездушная ленточка вместо самого человека.

Тем, кто родился здесь, с рождения выпала неудачная карта.

Ребенок на большой земле получает мир на блюдечке. С первых минут его берут в оборот службы развития личности. Просчитывается буквально все. Например, ученые установили, что вид спорта, которым ребенок занимается до пубертатного возраста, влияет на строение тела в будущем. Поэтому с первых месяцев жизни дети занимаются специальными физическими упражнениями. В результате выходцы из социального квартала были в основном высокими и стройными.

Гены? Нет, просчитанная физическая нагрузка и питание.

Но самое главное, детей на большой земле учили мыслить. Вся программа воспитания нацелена на то, чтобы выявить, к чему лежит душа у ребенка. А дальше он шел по жизни сам.

Маленький человек рос, как в теплице.

Да, при такой системе тоже появлялись несчастные дети. Значит, не срабатывали какие-то механизмы. Но процент неудач был невелик, вполне укладывался в рамки допустимой погрешности. При этом система не закрывала глаза на проблему.

Дети же социального квартала оказывались за бортом системы развития личности. Они с самого начала жизни были никому не нужны (кроме разве что своих таких же несчастных родителей, если последние интересовались своими детьми).

На самом деле малыши социального квартала были ничем не хуже своих сверстников с большой земли. Но социальный квартал постепенно убивал их надежды.

Служба поиска и развития талантов искала тех, кто даже в такой среде умудрился сохранить искорку. Это значило, что у ребят высокий потенциал, которому нельзя дать пропасть в бурьяне.

У Ники была та самая искорка. Никаких в том сомнений.

Жаль, что он не нашел девочку раньше.

Сейчас, скорее всего, помогать уже поздно.

«Боюсь, искра скоро погаснет». – Март покачал головой. У него уже был неудачный опыт: он несколько раз начинал работать с девочками старших классов. Ни одну не получилось довести до вуза.

Они все были талантливы. Затем с этими девочками что-то случалось: искры гасли, интерес к работе пропадал, мысли становились приземленными. Мальчишки, развлечения, наряды – вот что заменяло им мечты.

Одна из девочек даже начала откровенно заигрывать с ним, что оставило у Марта неприятный осадок. Его подопечные не вышли из детского возраста. Какие тут могут быть романы?

Он видел, как в считанные месяцы у старшеклассниц менялось отношение к делу. На первый план выходили немедленные дивиденды: путевка в вуз, повышенные стипендии, трудоустройство и прочее. Когда им объясняли, что впереди еще немало работы над собой, у девочек портилось настроение. Они закрывали за собой дверь и уходили навсегда.

Ему грустно было на это смотреть. Будто наблюдаешь за утопающим. И ничего не можешь сделать.

С тех пор Март решил, что с девочками надо начинать работать пораньше. А мальчиков можно брать и постарше.

«Скоро то же самое произойдет и с Никой Лавиной», – подумал Март. Он видел тревожные признаки. «Буду помогать ей, пока сама стремится. Перспективность оцениваю по третьей

категории, соответственно, занесу ее в третью группу, самую последнюю. А там посмотрим. Думаю, она скоро погаснет. Грустно, но мне придется это пережить».

Часть 2

Знакомство с опасными женщинами

12.

Сегодня Роман Лавин, отец Ники Лавиной, чувствовал, как в душе открылось светлое окошко. Обычно в его руках гудела сила, готовая прошибить бетонную стену. Под давлением этой силы кулаки наливались тяжестью и постоянно рвались кому-нибудь врезать. Но сейчас руки смягчились и подобрали.

Они не тянулись вырвать с корнем монитора в офисе автоматической администрации. А спокойно ставили галочки в бесчисленных графах юридических предписаний.

Ознакомлен.

Ознакомлен.

Ознакомлен.

Каждый пункт предписания появлялся на мониторе. Не мусорить. Не проявлять агрессии. Не ломать. Не делать того, не делать этого. Рядом всегда вспыхивал квадратик. В него требовалось поставить знак своим пальцем (сканер идентифицировал человека по отпечатку).

Ознакомлен.

Ознакомлен.

Идиотизм, конечно. Нельзя такое терпеть. Но он терпел. Причем спокойно.

Он оформлял пропуск на большую землю. Роботы-администраторы вели себя так, будто не считали жителей социального квартала за людей. Сегодня его это не задевало.

Сколько лет он не был на большой земле?

Шестнадцать? Семнадцать?

С того самого матча. С тех самых пор. Больше никогда.

Так сложилось.

Жителю социального квартала было непросто выбраться на большую землю. Требовался веский повод. Иначе администрация не выдавала пропуск.

Повода после того самого матча не появлялось.

Тогда ему было семнадцать. Семнадцать лет и четыре месяца, если быть точным.

Сейчас ему тридцать пять. Значит, прошло больше семнадцати лет.

В офисе кроме него людей не было. Стеклянные стены шли полукругом, открывая вид на задворки социального квартала. На площадке перед офисом валялся мусор: пластиковые пакеты, пустые стаканчики, окурки и прочее. Асфальт разрезали черные трещины. Беспорядок в социальном квартале нисколько не заботил ни интелов, ни их роботов. Хотя прислать сюда автоматических дворников было бы для них пустяком.

Но ведь им плевать на социальный квартал, на людей в нем, на то, как здесь живут. Интели лучше лишний раз на какой-нибудь свой зоопарк потратятся, чем помогут здесь что-то хорошее сделать.

Внутри офиса стояло несколько пустых стульев, на которые, кажется, никто никогда не присаживался. Вдоль прямой непрозрачной стены, соединявшей стеклянный полукруг, были установлены белые тумбы с интерактивными мониторами. Это были настоящие столпы бюрократии. Электронные крючкотворы, заточенные пить кровь из людей социального квартала.

Хотя если поставили стену, то и жители большой земли должны получать пропуски в социальный квартал. С такими же трудностями. Это было бы справедливо.

Но нет. Им все дается легко. Могут в любой момент прийти сюда и погулять. Даже из чистого любопытства. Будто им здесь зверинец.

Так пусть не удивляются, что им здесь шагу без охраны не ступить.

Вопреки обыкновению, подобные мысли не вызывали сейчас у Романа Лавина, больше известного как Барс, гнева.

Собственно, по имени его звали в основном компьютеры-крючкотворы. Остальные говорили Барс. Почетное прозвище – единственное, что осталось с тех самых пор.

Остальное сгнуло.

И все же сейчас ничто не могло захлопнуть светлое окошко в душе. Ни хамство роботов. Ни воспоминания. Ни-че-го.

Потому что он ехал на большую землю.

Несколько дней назад с ним связалась представительница Института развития личности. Нажимова Анжела Лиовна. Так ее звали. Она пригласила его на встречу. Сказала, есть работа. Точнее, есть предложения по сотрудничеству. Надо обсудить. Именно так и сказала.

Если кто-то вспомнил про него, может, не все еще сгнило на большой земле. Осталось что-то человеческое. Хотя верится слабо.

Робот попросил Барса положить руку в круглое отверстие в тумбе – камеру выдачи пропуска. Рука вошла почти до локтя. Отверстие сузилось, фиксируя руку. Барсу что-то придавило запястье, затем сжало мизинец и перетянуло палец возле основания.

Это аппарат надел кольцо-пропуск.

Интересно, что ему предложат? Наверное, попросят тренировать школьников-интеллей. Придется переезжать туда.

Зажимы ослабли. Барс вытащил руку и подергал тонкое кольцо, словно пытаясь снять.

– Снимать не надо, – металлическим голосом произнесла программа.

Они любили указывать. Эти нудные автоматы. Поставленные интеллями повсюду в его доме – его социальном квартале. Везде и всюду совали свой электронный нос.

Кольцо специально подгонялось так, чтобы его невозможно было снять. Поэтому слова машины были полной глупостью. Сотрясанием воздуха. Пропуск потом демонтирует этот же аппарат. После того, как Барс вернется в социальный квартал.

Теперь кольцо будет отслеживать передвижения Барса и записывать его разговоры. Еще оно будет давать сигнал каждой жестянке на большой земле, что Барс здесь находится законно.

Хотя охранные системы и так все знают.

Позвать могли только по старым футбольным делам. Других причин нет. Барс хоть и играл в молодежной лиге, но уже был знаменитостью. Его знали. Его долго помнили. Его, похоже, не забыли.

К офису подошла машина. Естественно, на автопилоте. Интели никогда не садились за руль. Зато в социальном квартале считалось позорным отдавать управление машине. Все ездили самостоятельно.

Значит, его повезут до границы квартала, как тушку интеля.

Когда-то он не обращал на это внимания. Наоборот, такое казалось вполне нормальным. Их команду возили на спортивных автобусах. Просторных и комфортных. С мигающей панелью вместо водителя.

Он тогда подолгу жил на большой земле. На базе команды – в Тарасовке. Все шло к тому, что Барс останется там навсегда. Все прочили ему место в основном составе «Спартака». Еще пару лет, говорили специалисты, и он станет ведущим игроком в защитной линии клуба.

Пару каких-то лет! Но их у него так и не случилось.

В жизни Барса всегда было три ценности. Справедливость. Дружба. Команда. Они настолько святы, что за них жизнь можно отдать.

Так оно, в сущности, и вышло: именно эти ценности разрушили его жизнь.

С тех пор он не жил, а медленно умирал.

Трудно поверить, что звонок от какой-то змеи из Института развития личности может что-то исправить. Нет, все разрушено бесповоротно. Нельзя начать дважды одну и ту же атаку. Так говорил тренер.

Однако ему все равно хотелось улыбаться, когда он смотрел в окно автомобиля, ползущего по социальному кварталу. Даже не тянуло дать пинка автопилоту, чтобы тот ускорился.

Хотя пнуть, пожалуй, стоило.

На контрольно-пропускном пункте пришлось выйти. Машина оставалась в социальном квартале. А Барса ждал очередной круг проверки. Сканеры просвечивали его насквозь, проверяя личность и содержимое карманов. Под их прицелом надо было проходить шаг за шагом решетчатые заграждения.

Ворота открылись. Ворота закрылись.

Еще ворота. Опять глазок сканера надолго задерживается на нем.

Сколько можно?

Он не напрашивался к ним в гости. Сами позвонили и пригласили. А ведут себя с ним как с последним вором. Интели, что с них взять?

А ведь было время, когда он стрелой пролетал через контрольно-пропускные пункты, не замечая их. В то прекрасное время абсолютно все казалось естественным и разумным. Даже контрольно-пропускные пункты.

Он был капитаном молодежного состава «Спартака», блиставшего в Лиге надежд. Оттуда оставался один шаг до взрослого состава и взрослых контрактов. Он играл на позиции центрального защитника. Душил атаки соперников. Как барс набрасывался на ретивых форвардов и рвущихся вперед хавбеков и забирал мяч.

Все говорили, что этот Барс далеко пойдет.

Но его сила была не только в личном мастерстве. Он рано понял, что игру делает команда.

Один ты никто.

Хочешь победить – заставь команду умирать вместе с тобой.

Он давно заметил, что люди делятся на две категории. Одну, меньшую часть, надо подбодрить или мотивировать. Другую, подавляющее большинство, надо пнуть. И они побегут.

Как-то по наитию выходило, что он всегда ясно видел, из какого теста человек перед ним. Нужный подход выбирался сам собой. Одного пнешь, другого подбодришь. Ничего сложного. Ни разу не перепутал, кому что.

За ним шли, его слушались, потому что в игре он думал быстрее всех и всегда знал, кто и что должен делать. И потому что умел вовремя пнуть. И знал, когда вовремя подбодрить.

Все шло отлично. До того самого матча.

В тот день молодежный «Спартак» встречался с принципиальным соперником в схватке за выход в финал престижного европейского кубка молодых команд.

Накануне врачи осмотрели у Барса старую травму колена и рекомендовали пропустить матч. Нужно было побережиться какое-то время. Однако тренер – скользкий интель, для которого на кону стояло слишком многое, – попросил выйти на поле.

Ты нужен команде, так он сказал. И дружески похлопал по плечу.

Выбора не было: Барс вышел на игру.

Он не мог поступить иначе. Не мог остаться на скамейке запасных, пока команда билась.

Победа в матче была нужна всем. Почти всем, кроме Барса.

Интелю-тренеру она открывала дорогу к работе со взрослыми командами. Вратарю с подрагивающими ушами-лопушками (друзья по команде шутили, что это радары движения, улавливающие полет мяча) победа повышала шансы на хороший контракт с профессиональным клубом. Длинноногому нападающему были нужны премиальные за выход в финал: для подарка на свадьбу сестре. И так – кого ни возьми.

Только у Барса все было практически в кармане: контракты, деньги, слава. Однако он не мог оставаться в стороне. И еще он любил побеждать в трудных схватках. Поэтому повел ребят в бой.

Матч получился сумасшедший. Трава горела под ногами. Ураган на поле не затихал ни на минуту. Их атаки штурмовали бетонные валы противника. Противник шел напролом сквозь их редуты.

Атака-контратака-удар-атака.

Удар-штанга-удар-подножка. Крик-свист-боль-штраф.

Без остановки. Без передышки.

К концу 78-й минуты на табло горело 2:2. В каждом пропущенном голе не было его прямой вины, и в каждом он был виноват. Потом что именно он командовал оборонительными редутами, через которые прорвался враг. Обхитрил. Обыграл. Оказался секундой быстрее. И свой вратарь, сгорбившись, доставал мяч из сетки.

Но во всех забитых командой голах была заслуга Барса. Первый раз он точным пасом вывел форварда на роскошную позицию. Тому осталось только забить. Промаяхнуться оттуда было сложнее.

Второй раз – когда команда проигрывала – он сам дальним ударом вогнал мяч в сетку врага. Так вколотил, что затряслись ворота. И счет стал равным.

На 78-й минуте он почувствовал, что они стали переламывать игру. Противник слабел. Пока это было еще внешне незаметно. Солдаты врага бегали на тех же скоростях и так же рвались к воротам соперника. Но что-то изменилось в атмосфере, и Барс это увидел. Глаза врагов уже были готовы взглянуть в глаза поражению.

Еще чуть-чуть, и поле осталось бы за молодым «Спартакoм».

Однако в ту самую минуту хавбек врага влетел прямой ногой в колено Барса. Каменной пяткой в то самое колено.

Барс взревел. Не от боли. От предчувствия. Что-то страшное разверзлось перед ним. Черная пустота, стремившаяся затянуть Барса. От рева раненого хищника смолк стадион. А Барс все еще не верил ледящему чувству – гнал от себя врача. Пытался встать и падал. Вставал и падал. Грозно ревел, и один этот крик был способен парализовать кого угодно.

Он знал, что встанет. И будет играть. Даже одной ногой. Одной вполне достаточно. Он все равно вырвет эту победу. Зубами. Руками. Чем угодно. Он сможет!!

Клубный медик, один из тех немногих, в чьей жизни победа ничего не решала, ухитрился исподтишка вколоть успокоительное. Лошадиную дозу. Барс сначала ничего не понял, а потом ослаб. Его схватили цепкие руки друзей и уложили на носилки.

Хавбека, поломавшего Барса, удалили с поля и потом, кажется, надолго дисквалифицировали. Барса унесли под рукоплескания трибун. А матч продолжился.

Один из запасных занял место Барса на поле. Команда осталась в большинстве. Но ее это не спасло. Что-то сломалось в игре. Команда развалилась прямо на глазах. Ей не хватило двенадцати минут, чтобы сохранить хотя бы свою честь.

Двенадцати штопаных минут!!!

Матч закончился со счетом 4:2 в пользу соперника. Друзья Барса взглянули в глаза поражению.

А сам Барс очнулся в белоснежной больничной палате. По телевизору шло комедийное шоу. На окне висели кружевные занавески. Возле кровати рос фикус.

Вошел смущенный доктор. По его виду Барс сразу понял: что-то не так. Выкладывайте. Доктор начал юлить, мол, операция прошла хорошо, функциональность колена полностью восстановлена, проведен комплекс общеукрепляющих процедур.

Барс жестко повторил: выкладывайте, доктор!

Да, ответил врач, есть проблема. Поскольку новая травма наложилась на старую, незалеченную, то для восстановления колена пришлось использовать некоторые искусственные материалы. Теперь пациент полностью здоров. Но после этой операции доля искусственных материалов в его теле превышает допустимую по стандартам профессионального спорта.

Короче, все накрылось.

Барс вскочил и вцепился в доктора. Вытаскивайте из меня вашу гадость, делайте опять настоящим человеком! Я буду играть!! Я вас не просил закачивать в меня протезы!

Он успел лишь несколько раз тряхнуть врача, как набежали роботы-охранники и уколами отключили Барса.

Конечно, уже ничего нельзя было изменить.

В профессиональном спорте таких людей презрительно называли киборгами. Вроде как у настоящего спортсмена все должно быть свое. Тюнинг человека нарушает правила честной игры.

Если вдуматься, то это очередные подлые установки, диктуемые интелеями. Сами они не ломали кости на арене. А только сидели на диванах, смотрели за игрой и рассуждали о чести и тюнинге. Да выкидывали отработанный человеческий материал.

Когда курс лечения закончился, Барс вернулся в социальный квартал. И жил там до этого самого дня. Ни с кем из команды не встречался, не связывался и не хотел этого. Но знал по СМИ, что тренер в конце концов перешел в команду мастеров и привел ее к победе на кубке мира. А поднял этот кубок над головой вратарь с лопушками-радарамии.

Нападающий не заблистал, но поиграл немного на средних ролях во взрослых командах и заработал достаточно, чтобы осесть на большой земле. Сейчас пытался начать тренерскую карьеру. Остальная команда разбрелась кто куда. Некоторые зацепились по ту сторону стены, некоторые вернулись в социальный квартал.

Когда Барс пересек стену, то увидел, что и воздух на большой земле точно такой же, и солнце ничуть не ярче. Только вокруг гораздо чище. Он дошел до ближайшей станции «летучей дороги» – метропоезда, летающего над полотном.

На платформе ожидали поезда группки интелей. Барс услышал их голоса и, повинувшись внезапному порыву, закрыл глаза. Ему вдруг захотелось просто постоять и послушать, как звенят и пульсируют в воздухе эти голоса. Почему-то они отличались от тех, что обычно звучали в социальном квартале.

Внезапно Барс понял, что именно таких голосов, наполненных энергией, ему не хватало все эти годы. А еще ему захотелось вернуться на арену, окруженную шумящими трибунами. И под гул этих голосов встать лицом к лицу с противником. И повести свою команду в бой.

Как же ему не хватало всего этого: арены, голосов, команды!

Может, когда-нибудь он еще встанет в центр поля под взором переполненных трибун – с командой малышкой. Может быть. Но вряд ли. Интели не занимаются большим спортом. Для них игра лишь баловство для поддержания формы. Соответственно, в настоящие бои не на жизнь, а на смерть детишек большой земли не бросят.

Но все-таки... Что если?

Подождал поезд, и пришлось открыть глаза.

На мониторах в салоне крутилась реклама. Подарите ребенку робота-наставника. В продаже новые модели: Чехов, Хемингуэй и Терминатор. Ограниченная серия.

Они здесь настолько заняты, что им некогда заниматься своими детьми. Впрочем, у них и друг на друга нет времени. Он слышал, интели даже жили с искусственными женщинами.

У них здесь все ненастоящее: учителя, женщины, дружба.

Привезли бы своих силиконовых подруг в социальный квартал. Поделились бы радостью. Пусть люди занимаются любовью, а не войной. Нет же, они завозят только боевых дронов. Чтобы держать жителей на прицеле. Лицемеры.

Он вышел на остановке Каретный Ряд на Садовом кольце. Институт развития личности находился здесь рядом, чуть дальше по утопающей в зелени улице. Адрес – Петровка, 38, знаменитый на всю страну.

Над головой летал поющий хор воздушных шаров. Их запускали для создания общего настроения. Разноцветные шары пели бархатными мужскими голосами. На некоторых вдобавок крутились ролики социальной рекламы – с выключенным звуком.

Зрелище окончательно убедило Барса в том, что интели сходят с ума.

Он успел пройти лишь несколько метров по улице, как был остановлен патрульным роботом в белоснежном мундире милиции 50-х годов XX века. Это был инспектор ГАИ – Государственной автоматической инспекции. Почему-то каждого такого робота-полицейского, сколько себя помнил Барс, было принято называть Дядей Степой-милиционером. Откуда пошла эта странная традиция, он не знал.

Очередная причуда интелей.

– Здравствуйте, Роман Викторович, – сказал инспектор.

Барс вонзил в него хмурый взгляд, молча требуя: выкладывай, робот!

– Анжела Лиовна просила передать, что ждет вас в саду Эрмитаж, в ресторане, – сказал робот. – Я провожу вас.

Изначально предполагалось, что они встретятся в офисе Нажимовой в Институте развития личности. Время было назначено примерное, в промежутке «от» и «до».

Видимо, она не дождалась, пошла на обед: сад Эрмитаж находился в двух шагах от проходной Института.

Барсу не понравилось, что встреча перенесена в ресторан. От этого пахло легкой и необязательностью. Все-таки после того, как вы семнадцать лет назад выкинули человека на помойку, лучше бы вам вести себя с ним посерьезней.

В воздухе над тротуарами на высоте в два-три человеческих роста порхали голубые планшеты-мониторы с крылышками. Время от времени какой-то из них резко пикировал к тому или иному прохожему и зависал на уровне глаз человека.

Это были так называемые пираньи – роботы-рекламщики. Они вступали в диалог с человеком, прокручивали рекламные ролики, настойчиво делали адресные коммерческие предложения.

Объекты для атаки выбирала специальная программа роботов. Она идентифицировала прохожего, анализировала его профили в социальных сетях, интересы, последние покупки, недавние запросы в поисковых системах и так далее. Потом человеку делалось предложение, которое, по расчетам программы, могло его заинтересовать.

Например, пробивались дни рождения его родственников и знакомых по социальным сетям, и, если приближались даты, программа предлагала подумать о подарках – причем варианты подбирались с учетом интересов именинника.

Как и речные пираньи, рекламные роботы набрасывались тогда, когда замечали в жертве какую-то ранку. Их манил вкус крови – финансовой крови в данном случае.

Барса никто не атаковал. Программы сразу вычисляли жителя социального квартала: перспективного клиента. Для этого им даже не нужно было кольцо: базы данных и без того сразу выдавали всю нужную информацию.

Инспектор ГАИ тоже опознал его не только по кольцу: он сверил личность по биометрическим данным, которые отсканировал еще издавна. Все автоматические полицейские, все камеры на улицах, в транспорте и где бы то ни было постоянно сканировали Барса, проверяя, тот ли это человек, имеет ли право здесь находиться.

Кольцо, на получение которого ушло столько времени, с технической точки зрения было абсолютно ненужным гаджетом. Однако с его помощью интели особо подчеркивали: мол, ты

человек второго сорта. Кольцо власти – их власти, власти интеллей над людьми – было еще одним способом унижения.

Но он, конечно, вынесет это. Потому что абсолютно все потеряет значение – свое горькое значение, – когда он выведет свою команду на арену гудящего стадиона. Пусть не завтра. Пусть не скоро. Это обязательно случится. Шаг за шагом. От малышей к юношам. От них к серьезным взрослым командам.

Шаг за шагом. Только так.

Когда он вернулся в социальный квартал, ему предлагали устроиться в местную спортивную школу. Не особо, конечно, предлагали. Так, из вежливости. На низовую должность, кем-то вроде полотера-ассистента, на побегушках у младшего тренера. Что еще можно предложить списанному мальчишке?

Он отказался. Потому что его тошнило от воздуха социального квартала, от местного облезлого поля и убогих стен раздевалки, от всего, с чего он начинал.

Как он жил с тех пор? Да как-то жил. Но теперь пришло время возвращаться в большую игру!

Робот привел его в ресторан под открытым небом в саду Эрмитаж. Столики были расставлены под белым шатром вокруг мраморного бассейна с фонтаном. Слышались журчание воды, тихий стук столовых приборов, приглушенные голоса посетителей.

Ангела Лиовна оказалась молодой женщиной лет двадцати пяти – двадцати шести с черными жгучими кудрями и в алом платье. Увидев Барса, она встала и протянула ему руку.

– Здравствуйте, Роман Викторович, – блеснула ее стальная улыбка; казалось, эта женщина была способна проглотить мужчину целиком, – я ждала вас.

Платье обтягивало сочную ладную фигуру. Между крупных грудей в декольте пролегла темная полоса. В ней чувствовалась глубина – пугающая и манящая. Как будто ночью встать на краю пропасти.

Барсу захотелось втянуть в себя побольше воздуха. Но он сдержался и ответил на рукопожатие с невозмутимым видом.

Нелепая, конечно, традиция – здороваться за руку с женщинами. Это мужской ритуал, и лучше бы ему оставаться таковым.

Зато таких женщин, сильных и непокорных, полных дикого огня, в социальном квартале не встречалось. Интересно было бы объездить такую.

– Закажите себе что-нибудь. – Она указала на столик, накрытый белоснежной скатертью. – Это представительский обед, оплачивает Институт развития личности.

Конечно, она не хотела его задеть. Вышло на автомате: унижать жителей социального квартала в природе интеллей, невзначай показывать, кто хозяин жизни.

Он был в состоянии за себя заплатить. Поэтому сразу отрезал: счета отдельно.

У него достаточно средств, чтобы позволить себе обед даже по безумным (по меркам социального квартала) ценам большой земли. Дороговизна, кстати, была еще одной стеной, которой интели отсекали людские массы из социального квартала.

Но Барс не был слабаком или лопухом. Иначе бы здесь не сидел. И деньги у него на счету были. Если он когда-нибудь объедит эту женщину (он пока не решил, нужно оно ему или нет, но решать будет именно он), то еще сам ее угостит. А пока – никаких подачек от интеллей!

К ним подлетел планшет с крыльями: робот-официант. На экране светилась улыбающаяся голова. Барс заказал бифштекс, жареную картошку, пиво. Как давно он не пробовал настоящей еды!

Сто лет.

Целую вечность.

Бурду, которая даром раздавалась в социальном квартале согласно строго определенным нормам, никак нельзя было назвать едой. Конечно, домашние печи придавали ей какой

угодно вид. Но вкус всегда оставался пластмассовым. Такая еда способна убить в человеке всю радость.

Вскоре роботы-доставщики принесли заказ. Пищу из настоящего мяса готовил живой человек. Электронным было только обслуживание. Насыщенный запах бифштекса наполнил его нос ароматом, приятным теплом прошел по горлу.

Он еще всем покажет.

Он еще посмотрит в глаза своей победе!

Барс оглядел соседние столики. Везде сидели расслабленные интелли. Их легкие разговоры витали над головами. Он ясно увидел, как отличается от них.

У них все другое. Еда. Улыбки. Одежда.

Он здесь чужак. В своем костюме из синтетической ткани. А у них натуральные одежды: хлопок, лен, шелк и прочее. Все мягкое, живое, мнущееся.

Такую одежду не купишь в социальном квартале, сколько бы денег на счету ни лежало. Потому что расчеты между кварталом и большой землей ограничены. Это сейчас он получил право пользоваться своим счетом, так как имеет пропуск. А заказать доставку домой с большой земли невозможно.

Так что среди интелли он в своей синтетике (костюм и галстук, ткань подстраивается под погоду, на солнце в ней не жарко, под дождем не промокаешь, на холоде не мерзнешь – дорого в социальном квартале, дешевка здесь) смотрелся как скоморох.

Но только сейчас он увидел – и стоило лишь ради этого приехать на большую землю, – что им не хватало главного. Они были слишком легковесны. Бросалось в глаза, что эти ребята не знают реального вкуса пота и крови. Сладенький сироп, в котором они барахтались, настоящей жизнью не являлся.

Они слабаки.

Никому здесь даже не под силу оседлать женщину, буквально сгоравшую в своем алом платье – столько в ней было огня.

А значит, никто не сможет остановить его, когда он придет сюда брать свое.

Никто.

Анжела Лиовна попробовала перебраться с ним общими фразами, вроде как живется в социальном квартале, давно ли играли в футбол, как вам наша кухня, но Барс потребовал сразу перейти к делу.

– Хорошо, – сказала она и все объяснила.

Институт развития личности начинал большой проект по перевоспитанию трудных подростков большой земли. Планировалось создать для них небольшую колонию в социальном квартале, чтобы ребята попробовали трудностей на зубок. Пусть занимаются спортом, работают на благоустройстве территории, учатся. Жить они должны по строгому режиму.

Не стоит с ними нянчиться. Они должны понять, где оказываются неучи.

Неучи. Значит, неучи. Такие, как он? Получается так.

Ему, Роману Викторовичу, продолжала Анжела Лиовна, предлагается возглавить один из таких лагерей. Это ответственная работа в штате Института развития личности. С хорошими перспективами – при успехе проекта.

С хорошими перспективами. Неучи. Понятно.

Значит, они не собирались звать его вернуться в футбол.

Им нужно, чтобы он пугал социальным кварталом их непослушных малышей. Маленьких бестолковых интелли. С которыми не могут справиться сами.

Мрази.

Ему захотелось что-нибудь сломать. Или кого-нибудь прибить.

13.

Данная глава изъята по требованию надзорных органов как содержащая информацию, разжигающую порочную страсть к человекообразным роботам и оскорбляющую простые человеческие чувства.

14.

Ника его расстроила. Нельзя же так глупо губить свои способности несносным характером. Она сделала неплохую работу. С явным старанием. Но выйти за пределы банальности ей не удалось. В той или иной форме Март все это где-то и когда-то уже видел. Более того, он ждал увидеть нечто подобное.

Но это не имело никакого значения. Могло быть лучше, могло быть хуже – пустяки.

Потому что абсолютно не важно, как ты выполнишь первое задание. По-настоящему важно лишь то, как отнесешься к критике. Март считал этот принцип главным в обучении, да и вообще везде.

Если не обидишься, не раскиснешь, а соберешься и начнешь дорабатывать, из тебя выйдет толк. А станешь ершиться не по делу, никогда ничему не научишься.

Ника отнеслась к критике плохо. Напряженно. Верный признак того, что где-то в голове начала расти внутренняя слепота, когда человек не хочет ни увидеть, ни услышать неприятные оценки.

На распечатанных рисунках, лежавших в ряд на столе, домики с красными крышами и башенками парили над альпийскими лугами. Готические замки висели на фоне водопадов. Корабль с альыми парусами плыл над сибирской тайгой. В общем, ничего необычного.

– Ты думала, для кого это делаешь? – спросил Март, перебирая листы.

Она подняла на него свои пронзительные серые глаза и произнесла:

– Для вас.

– Нет. – Он назидательно посмотрел на нее. – В первую очередь ты это делаешь для себя.

Пауза – чтобы добавить прозвучавшим словам веса.

– Подозреваю, ты очень хочешь отсюда выбраться?

Глаза Ники сверкнули испуганным гневом, будто Март тронул что-то, к чему нельзя прикасаться. Взгляд был такой наивный и трогательный в своем возмущении, что Март умилился. Ему стоило труда сдерживать добрую улыбку. Нельзя было сейчас переходить в режим сантиментов.

– А для этого ты должна найти такое дело, которое никто, кроме тебя, сделать не сможет, – продолжил он. – Ни человек, ни робот. Хотя роботов вообще в расчет не бери, – Март махнул рукой, – они ни на что не годны. Твой конкурент – только человек. Твоя голова против его головы. Поняла меня?

Она поспешно кивнула – слишком быстро для того, чтобы успеть проникнуться сказанным по-настоящему. «Ничего ты не поняла, девочка, – подумал Март, подметив это. – Боишься, что я сочту тебя непонятливой и прогоню, вот и спешешь кивнуть. Напрасно».

– Поэтому и летающие дома ты должна нарисовать будто для себя. – Он прижал пальцами рисунок с замком и повозил по столу. – Чтобы самой захотелось туда зайти. Или залететь, я уж не знаю. Если тебе не будет интересно там жить, как ты сможешь заинтересовать кого-то?

Ученица вновь пристально посмотрела на него. Ему нравился ее взгляд – серьезный и спрашивающий. Но сейчас в глубине глаз девочки мерцал недовольный огонек. Симптом того, что хочется получить искомое без труда, без разочарований. Все и сразу.

С таким настроем далеко не уйдешь.

«Боюсь, скоро она отпадет», – с легкой печалью подумал Март. Задача мастер-учителя в социальном квартале – помогать тем, кто развивается сам. Тянуть тех, кто опустил руки, не надо. Своих лоботрясов и на большой земле хватает.

– Я *хочу* в них жить, – неуверенно сказала она.

– Надо хотеть не в мечтах, а в реальности. Что ты будешь делать в этом замке? Как там окажешься?

– Прилечу.

– И чем там будешь заниматься? Ловить рыбу? Или охотиться? – Он дал риторическим вопросам пару секунд повисеть в воздухе и продолжил: – Тогда это замок рыбака. Или охотника. Но, значит, ему нужны специфические детали, присущие охотничьим домикам. Продумай функционал этого места. И это должно быть что-то очень близкое именно тебе. Иначе получится искусственно. Поняла?

– Да. – Она кивнула. На этот раз в нормальном темпе.

– Запомни: что бы и для кого бы ты ни делала, делай прежде всего для себя. Или вообще не берись, если это тебе не близко.

– Да. – Ее голова явно дернулась вниз, но девочка сдержала свой кивок и прямо посмотрела на Марта.

«Не любишь часто кивать, – отметил он. – Это хорошо».

– Конечно, я поняла.

– Прекрасно. Вот что ты должна сделать дальше. – Его сердце начало разогреваться, подключаясь к творческой работе. – Подумай, как будем использовать летающий дом. Для чего он нам нужен, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.